

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление “Филология”

№ 5

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

Харьков
2012

В статьях этого международного научного сборника рассматриваются актуальные вопросы концептологии и дискурса в синхронии и диахронии: развитие этического концепта ГРЕХ в англоязычном дискурсе, историческая разновидность дискурса, а также проблемы антиконцепта, текста дискурса и антропоцентрической парадигмы в целом на современном этапе. С учетом потребностей общества в филологических знаниях предлагается новый вузовский курс “Организационная лингвистика”.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 13 от 21.12.2012 г.)

Редакторы:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)
А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)
С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)
Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)
В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)
Л.В. Солошук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)
Н. Чабан, доктор философии (университет Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков
Тел.: (057) 707-51-44
irina.shevchenko7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции.

Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.

Выпускается ежегодно.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 5

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Харків
2012

У статтях цього міжнародного наукового збірника розглядаються актуальні питання концептології і дискурсу в синхронії і діахронії: розвиток етичного концепту ГРІХ в англomовному дискурсі, історичний різновид дискурсу, а також проблеми антиконцепту, тексту дискурсу і антропоцентричної парадигми в цілому на сучасному етапі. З урахуванням потреб суспільства у філологічних знаннях пропонується новий вузівський курс «Організаційна лінгвістика».

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 13 от 21.12.2012)

Редактори:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)

Редакційна колегія:

Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)
А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)
Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)
В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президентові Російської Федерації, м. Москва, Росія)
Л.В. Солошук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Фріман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Мерифілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)
Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Видається щорічно.

СОДЕРЖАНИЕ

Е.А. Бобко ВЕРБАЛИЗОВАННАЯ ИСТОРИЯ: К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	6
О.В. Ваховская ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>ГРЕХ</i> В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ XIV – XXI ВЕКОВ	17
А.Н. Приходько АНТИКОНЦЕПТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПАРТОНИМИЧЕСКОЕ, СТИГМАТИЧЕСКОЕ, ЭССЕНЦИАЛЬНОЕ	37
В.А. Самохина ТЕКСТУАЛЬНЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ШУТКИ	52
В.И. Теркулов АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: ЧТО БЫЛО? ЧТО БУДЕТ?	74
Е.В. Харченко ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА – НОВЫЙ ВУЗОВСКИЙ КУРС?	85
Редакторы, редакционная коллегия	96
Рекомендации по оформлению статей	99

УДК 81.161.1

**ВЕРБАЛИЗОВАННАЯ ИСТОРИЯ:
 К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ
 ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА***
Е.А. Бобко (Санкт-Петербург, Россия)

(* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12–24–20000 а/м)

Е.А. Бобко. Вербализованная история: к вопросу о толерантности исторического дискурса. В статье анализируется специфика продуцирования и вербализации исторического знания. Теоретические рассуждения и эмпирические наблюдения направлены на раскрытие связи между конвенциональными нормами и предписаниями, действующими в сфере общественнонаучного знания, с одной стороны, и индивидуальными мотивами историков как субъектов познания и речи, с другой стороны. Особое внимание уделяется толерантности как критически важному свойству исторического дискурса, находящегося на грани между наукой и идеологией и в силу этого подчиненного противоположным тенденциям – научной толерантности и идеологической ангажированности.

Ключевые слова: исторический дискурс, вербализация знания, общественнонаучное знание, познавательный этос, идеологическая ангажированность, толерантность.

О.О. Бобко. Вербалізована історія: до питання про толерантність історичного дискурсу. У статті аналізується специфіка продукування та вербалізації історичного знання. Теоретичні міркування та емпіричні спостереження спрямовані на розкриття зв'язку між конвенціональними нормами і приписами, чинними в сфері суспільнонаукового знання, з одного боку, та індивідуальними мотивами істориків як суб'єктів пізнання й мови, з іншого боку. Особлива увага приділяється толерантності як критично важливій властивості історичного дискурсу, що знаходиться на межі між наукою та ідеологією і через це підпорядковується протилежним тенденціям – науковій толерантності та ідеологічній ангажованості.

Ключові слова: історичний дискурс, вербалізація знання, суспільнонаукове знання, пізнавальний етос, ідеологічна заангажованість, толерантність.

Ye.A. Bobko. Verbalized history: focus on tolerance of historical discourse. This article analyzes specific features inherent in producing and verbalizing historical knowledge. The theoretical arguments and empirical observations are aimed to explain the relations between conventional regulations applied to social science, on the one hand, and

individual motivation of historians as actors of cognition and communication, on the other hand. Special attention is paid to tolerance as a critically important quality of historical discourse being on the borderline both with science and ideology and, therefore, simultaneously exposed to opposite trends of scientific tolerance and ideological bias.

Key words: historical discourse, knowledge verbalization, social science, cognitive ethos, ideological bias, tolerance.

Предметом данной статьи является содержательно-тематическая общность текстов, вербализующих историю. Такие тексты мы будем называть историческими, а их совокупность предлагаем рассматривать в качестве специального типа дискурса.

Материалом анализа послужил текстовый корпус по истории России XX в. в изложении зарубежных историков, представленный, с одной стороны, работами, написанными в духе научно-академической историографической традиции (например, Lowe N. *Mastering Twentieth-Century Russian History*; Pares V. *A History of Russia*), а с другой – историческими изданиями публицистической направленности (например, Conquest R. *Russia After Khrushchev*; Harvey R. *Comrades. The Rise and Fall of World Communism*).

Лингвистическое исследование текстов, посвященных описанию и осмыслению человеческой истории, требует применения адекватного методологического и терминологического аппарата. Определение совокупности текстов, направленных на реконструкцию социально-исторической действительности, в терминах исторического дискурса, позволяет, на наш взгляд, акцентировать как собственно коммуникативно-языковое, так и процессуально-деятельностное, социокультурное измерение исторического знания, особенности его продуцирования и вербализации.

С исследовательской точки зрения, исторический дискурс интересен тем, что он является олицетворением социально-гуманитарного познания и соответствующих процессов языкового формулирования социогуманитарной, общественно-исторической мысли. Закономерно возникает вопрос о том, как в рамках данной языковой формации канонические дисциплинарные требования сочетаются с интенциями субъектов познания – историков и публицистов. Общественно-историческое сознание формируется под влиянием идей, принадлежащих конкретным личностям, но и сами они вынуждены подчиняться коллективно выработанным нормам. Иными словами, речь идет об особом соотношении в рассматриваемом типе дискурса черт индивидуального и конвенционального. **Цель** данной статьи – показать связь между предписаниями и установками исторического дискурса, с одной стороны, и индивидуальными мотивами и языковой компетентностью историков, с другой стороны.

Знание о прошлой социальной реальности конструирует эту реальность. Но для того чтобы общество признало ту или иную конструкцию в качестве реальности, признало то или иное «мнение» о прошлом в качестве знания,

эта конструкция (знание) должна соответствовать определенным правилам, критериям, стандартам. Современное историческое знание не является исключением – оно должно отвечать ряду требований, предъявляемых к общественнонаучному знанию в целом [Савельева, Полетаев 2003: 244].

В сфере общественнонаучного знания действует познавательный этос – блок ценностных факторов, обеспечивающих способ формирования и удостоверения истины. К ним относятся внутренняя непротиворечивость, критикуемость, строгость, однозначность, эмоционально-экспрессивная нейтральность, свобода от субъективизма, предвзятости и т.д. В исторический дискурс, таким образом, вплетены механизмы регулирования, регламентирования, реагирования, вводящие систему гносеологических предпочтений и удостоверяющие ценность, достоинство единиц знания. Каноны общественнонаучного знания, согласно концепции В.В. Ильина, можно рассматривать как совокупность трех множеств. Первое – группа универсальных предписаний: формальная непротиворечивость, причинно-следственная связность, интересубъективность и др. Второе – группа исторически преходящих нормативов, которые определяют объяснительный, интерпретативный, смыслообразовательный процесс, в том числе, требования к онтологическим, гносеологическим допущениям, картинам мира, исследовательским программам, идеалам знания. Третье – группа дисциплинарных требований узкого характера, специфичных для данной отрасли знания. Они отображают не типические, а частные параметры знания [Ильин 2011: 8–20; 52–55].

Что касается последнего блока факторов, то в области социально-гуманитарной – в т.ч., исторической – методологии, как констатирует В.В. Ильин, обнаруживается явная нехватка ясных методологических регулятивов, нормирующих, целеориентирующих, направляющих искания. В этой связи В.В. Ильин формулирует следующие правила, подключающие ученого-гуманитария к положительно зарекомендовавшим себя в науке типовым методам и приемам генерации знания: 1) принцип терпимости: этическая толерантность к продуктам научного творчества; 2) принцип условности: понимание относительности научных результатов; признание того, что сопоставительно с наличным знанием возможны более адекватные решения); 3) принцип аполитичности: эпистемологическая реалистичность, автономность, самодостаточность, система запретов на использование идеологием, мифологием, ориентаций на предрассудки общественного, массового, утопического сознания; 4) принцип антиактивизма: отказ от деятельностной, политической ангажированности; 5) принцип гуманизма: отсутствие гипертрофии имперсонализма [Ильин 2011: 122–127].

Примечательно, что традиционно одним из критериев оценки исторического сочинения выступала оценка личности его автора. Признание того или иного исторического труда в качестве «истинного», «достоверного» и т.д. в значительной степени определялось – и отчасти продолжает

определяться – уровнем доверия к его автору. Сочинения «авторитетного» историка считаются «заслуживающими доверия». В Средние века, когда не существовало устойчивого профессионального сообщества, авторитет автора мог быть подтвержден каким-либо влиятельным лицом: императором, епископом, церковным капитулом, светским государем. Позднее эта система упростилась, и в обиход вошел термин «одобренный», применявшийся уже не столько к авторам, сколько к конкретным книгам. Следствием практики «одобрения» явилось возникновение официальной или государственной историографии, а затем и введение должностей официальных историографов, которые во многих странах Европы просуществовали до конца XIX в. В неофициальном виде «официальная» историография сохранялась вплоть до конца XX в. Также при оценке личности автора того или иного исторического сочинения традиционно учитывается его групповая принадлежность и внутригрупповой статус. Издавна внимание обращалось на происхождение и социальное положение. Начиная с Реформации существенную роль стало играть вероисповедание, с XVIII в. значимость приобретает национальность, а с XIX в. – партийная позиция историка. Влияние групповой идентификации на индивидуальные дискурсы и, соответственно, на оценку этих дискурсов, было особенно сильным во второй половине XIX – первой половине XX вв. В настоящее время главным показателем считается уровень квалификации. В современной исторической науке выработана разветвленная система прямой и косвенной оценки уровня квалификации историков. Прежде всего, речь идет о «цеховой» квалификационной системе: профессиональное образование, научные степени, членство в различных профессиональных обществах, место работы, занимаемая должность, список публикаций и отзывов на них и т.д. [Савельева, Полетаев 2003: 398–400].

Подчиняясь требованиям конвенциональных норм и предписаний, процесс исторического познания, вместе с тем, требует значительной степени свободы ума, фантазии, воображения. Многовариантность изложения истории неустраима. Историк обладает самостоятельностью при решении композиционных задач: исторические сюжеты имеют свою завязку, кульминацию, развязку. Действие разворачивается в различных аспектах и в разных местах, изложить их в виде единой последовательности невозможно, поэтому сложна цепочка исторических образов, структура которой в границах, порожденных действительностью, определяется, помимо всего прочего, индивидуальным мастерством историка.

Диалектика индивидуального и конвенционального в историческом дискурсе непосредственным образом влияет на когнитивно-коммуникативные стратегии авторов исторических сочинений – субъектов исторического познания. Это сказывается на процессе вербализации исторического знания, выборе языковых единиц и их организации в текстовое целое. При этом особую актуальность приобретает оппозиция толерантность / интолерантность

исторического дискурса. Историческое знание фиксируется и существует в формулировках, в языковых выражениях. Соответственно, толерантность в историческом дискурсе может выражаться осознанно, посредством использования специальных коммуникативных средств, или неосознанно, как фоновое качество речи. В любом случае оно формируется на текстовой основе и является свойством целого текста. Толерантность / интолерантность исторического дискурса проявляется в речевом поведении автора исторического текста.

Толерантность является необходимым условием получения исторического знания. Вся сложность толерантного изображения прошлого заключается в том, что, «научившись мысленно вживаться в прошлое, историк должен в то же время оставаться человеком своего собственного времени, он должен уметь думать как люди, жизнь и общество которых он исследует, и думать не так как они, наблюдать со стороны. Последнее необходимо, чтобы он мог знать больше, чем могли знать в исследуемый период. Самым трудным, может быть, окажется понимание именно не отдаленных, а наиболее близких периодов, непосредственного прошлого, ибо непосредственное прошлое – своя собственная жизнь, жизнь современного общества, и смотреть на современность не только как участник, но и как «посторонний» почти невозможно, а часто и оскорбительно для современников, особенно когда речь идет... о главном в общественном устройстве, вообще о центральных проблемах человеческой деятельности» [Лооне 1980: 95]. Для корректного, рационального понимания деяний людей прошлого, «нам нужно уметь использовать их оценки и ценностные представления как бы они сами это делали. Но понимать – не значит оправдывать или осуждать. Предпосылкой рационального отношения и оценивания является понимание, но понимания (знаний) самого по себе мало, чтобы давать оценки. Историческая оценка прошлого именно тут: оценка прошлого с точки зрения настоящего при одновременном понимании различия прошлых и настоящих критериев оценки» [Лооне 1980: 133–134].

Важно подчеркнуть, что категория толерантности – синтезирующая, интегративная категория, поэтому рассматривать ее следует в соотношении с другими категориями: оценочность, категоричности / некатегоричности, ангажированность / неангажированность. Интолерантность в сфере исторического познания имеет ярко выраженную идеологическую основу наряду с причинами эпистемологическими (конфликт различных теорий и концепций, через призму которых осуществляется интерпретация фактов), психологическими (конфликтная личность) и психолингвистическими (недостаточная языковая компетентность) [Котюрова 2011: 272–275]. Это обусловлено экстралингвистически, особой формой синтеза знаний и ценностных представлений. Так как сфера исторического познания находится на грани между наукой и идеологией, в силу этого в ней могут проявляться две

противоположные тенденции: научная толерантность, с одной стороны, и идеологическая ангажированность, с другой.

В толерантном историческом дискурсе идеологическая и научная формы знания разграничиваются. Подробнее об этом пишет исследователь современной философии истории Э.Н. Лооне: «Необходимо остерегаться иллюзии, будто результат пересечения научного познания и форм идеологии является благодаря такому соединению более «глубоким» знанием, приводит к большему знанию, познавательно превосходит просто науку. Утверждение ценностей не тождественно познанию. Конечно, возможна научная идеология, в т.ч. научная историческая идеология. В научной идеологии исходят из научно установленных фактов, но, тем не менее, различие науки и идеологии не снимается. При переизложении дезигнативного текста оценочным языком знаний не прибавляется. Прибавляется нечто другое. Если мы хотим установить не «как это было» или «почему это было», а «хорошо или плохо, что это было так», – то мы должны пользоваться ценностными выражениями» [Лооне 1980: 85].

Кроме того, в каждом конкретном случае на толерантности / интолерантности исторического дискурса сказывается обусловленная личностными характеристиками индивидуальность авторского сознания. Толерантность немислима без учета авторской рефлексии по поводу осуществления своих действий: субъект познания на каждом этапе создания текста сознательно координирует свою деятельность, тем самым регулируя отношения в процессе коммуникации [Котюрова 2011: 267; 284].

Именно толерантность по отношению к другому вынуждает автора текста выполнять ментальные действия по формированию информационного пространства для читателя, т.е. описывать, определять, объяснять, иллюстрировать и т.д. Исторический текст представляет собой не только средство хранения информации, но и средство полисубъектной, полилогической коммуникации в процессе познавательной деятельности, в рамках которого обнаруживаются возможности проявления толерантного / интолерантного отношения автора текста к другому субъекту коммуникации разных уровней обобщения – личности, группе, социуму.

Лингвистическая компетентность историка – одна из составляющих его профессионализма: «историк как профессионал не имеет права формулировать утверждения, вступающие в противоречие с твердо установленными историческими свидетельствами (фактами)» [Зуев, Кротков 2010: 63]. Однако поскольку «ретроспективное объяснение (как и историческое предвидение) хрупко, факты слишком тесно переплетены с интерпретациями, невозможно установить строгое различие между данными и выводами» [Арон 2010: 8–11], то сам способ формулирования утверждений в историческом дискурсе должен основываться на принципе отказа от категоричности («нерешающая диалектика» в терминологии А. Мегилла). Этот принцип предполагает, что историк оставляет свое суждение «в пространстве между противоречивыми

установками и утверждениями» [Мегилл 2007: 72]. Толерантная история не претендует на истинность в абсолютном смысле, но стремится к правдивости, то есть к обоснованности. Обоснованность означает ясность и аргументированность изложения исторического материала. «Четкая аргументация включает в себя, во-первых, корректное использование свидетельств, приведение концептуальных и контрфактических аргументов – там, где это требуется – и постоянные усилия соизмерять весомость своих утверждений с силой того, что они подтверждают. Безусловно, в истории приемлемы (и даже неизбежны) и гипотеза, и рассуждение. Но гипотезы и рассуждения должны быть строго идентифицированы как таковые, и всегда необходимо иметь действительно весомые причины для их использования в работе» [Мегилл 2007: 89].

Переходя от рассуждений теоретического плана к анализу эмпирически наблюдаемых явлений, отметим, что в текстовой ткани можно обнаружить целый арсенал языковых средств, ориентированных на реализацию различных когнитивно-речевых стратегий, в том числе – на актуализацию толерантности исторического дискурса, нейтральный характер изложения фактов или же, наоборот, на ангажированную передачу информации, имплицитное внедрение идеологических смыслов. В каждом конкретном случае субъект исторического дискурса предпринимает особые мыслительные и коммуникативно-речевые действия при вербализации исторического знания. Историк как автор текста сталкивается с проблемами текстового формулирования, то есть с тем, «как с помощью особой – той и не иной – организации языковых единиц и форм представить ментальное содержание в адекватной текстовой форме» [Чернявская 2011: 82].

Обратимся к примеру из книги Нормана Лоуи *Mastering Twentieth-Century Russian History* – обширного и подробного труда об истории России новейшего времени. В главе, посвященной периоду НЭПа, автор пишет:

“On the question of how long it was intended to continue NEP, it is difficult to be certain. At first the impression given was that it was only temporary; according to Bukharin: ‘we are making economic concessions in order to avoid political ones. The NEP is only a temporary deviation, a tactical retreat, a clearing of the land for a new and decisive attack of labour against the front of international capitalism.’ Lenin himself compared it with the Japanese attack on Port Arthur during the Russo-Japanese War: the first attack had failed, so then the Japanese halted, retreated for some distance and rethought their strategy; later on a second attack was launched but with more careful preparation, and this time it succeeded. The lesson to be drawn was that some failures were necessary in order to find the best method. (...)

The NEP continued until the spring of 1928 when it was abruptly abandoned on the orders of Stalin. Judging from the statistics, the policy seems to have been reasonably successful and by 1926 the government could claim with some justification that it had achieved its immediate aim. Production in all sections of the economy had improved significantly and in most commodities it was not far off the

1913 levels. Given the territorial losses at the end of the World War One and the war with Poland, this was a considerable achievement. (...)

One can never be quite sure how reliable statistics are; the problem with these particular statistics is that they are mainly from Soviet sources and so could have been exaggerated to make the communists' achievement appear better than it really was. On the other hand the 1913 statistics are from official tsarist sources, so they too could have been inflated" [11, p.160–162].

Данная цитата, в которой содержится ряд безличных и обобщенно-личных конструкций, отражает такое нормативное, типологически обусловленное свойство текста, как неличная манера изложения. Присущий данному конкретному тексту и жанру исторической монографии в целом стиль письма имеет строго унифицированный, стандартизованный характер: субъективное исключается и подводится под общее. Приведенный фрагмент выдержан в нейтральной тональности. Это выражается в использовании лишь тех синтаксических построений и того пласта лексики, которые традиционно соотнесены со сферой научной коммуникации, в отсутствии ссылок на авторское «я» при формулировке высказываний.

Для иллюстрации некоторых принципов употребления терминологической лексики обратимся к книге Р. Конквеста *Russia After Khrushchev*, выпущенной издательством Pall Mall Press в 1965 г. в рамках серии публикаций под общим заголовком WORLD AFFAIRS SPECIALS. Текст дает богатый эмпирический материал для лингвистических наблюдений, в частности – над характером употребления специальной терминологической лексики, о чем свидетельствует, например, такой фрагмент:

*“There is, as we have said, the other side of the coin: **ideology**. In this aspect, the main role of ideology is to provide justification and self-justification for an “elite” **method of rule**.*

*Even this is not a new **phenomenon**. We may compare it with the **autocracies** of the Metternich period in Central Europe. In the 1830's and 1840's, the Austrian Empire and other states were ruled by a **bureaucracy** and police devoted to the **principles of legitimism**, a **conservative political theory** providing most of the comforts of a modern ideology – and approved by Marx's predecessor, Hegel. The Metternich **type** of state was not, indeed, **totalitarian** in the modern sense. But this was partly a **result** of primitive **techniques**. In principle, the police claimed rights of thought control not much different from those seen in the Soviet Union today.*

*A further **parallel** at once presents itself, in that all the progressive and healthy **elements** in the **legitimist states** of the time – the writers, the students, and, in a less conscious and obvious way, the workers – were more or less opposed to the controllers of political power. So were the minority nationalities: Russian troops putting down the national and democratic revolution in Hungary in 1849 in the interests of a super-authoritarian, antiliberal idea must remind us very strongly of the events of 1956.*

*Marx had spoken of the “simple laws of ethics and justice by which individuals must be guided in mutual relationships and which must be supreme laws of conduct between states.” This now gave way to the **theory** that anything weakening the Party’s grip was bad – a **formulation** justifying the terrible excesses in which Khrushchev tells us Stalin indulged. Intellectual life moldered: A single philosophy was taught in the universities; rules were laid down for literature; crackpot doctrines were enforced on scientists by decision of the politicians of the Central Committee. And at the same time, it became impossible to discuss political and economic questions properly” [10, p.18–19].*

Оставляя за пределами нашего анализа правомерность проводимых исторических аналогий, сосредоточим внимание на некоторых особенностях языкового оформления данных рассуждений. Примечательно в этой связи то, что характерные для академического стиля изложения общенаучные (*aspect, phenomenon, formulation, doctrines* и др.) и частнонаучные термины (*method of rule, autocracies, principles of legitimacy, conservative political theory, legitimist states* и др.), соседствуют здесь с лексическими единицами, обладающими ярко выраженными эмотивными и оценочными коннотациями (*crackpot, Party’s grip, bad, terrible excesses, troops, super-authoritarian*), а также с лексическими единицами, характерными для разговорной речи (фразовые глаголы *put down, laid down*). Вкрапление иностилевых элементов иллюстрирует градуальный принцип реализации текстовой категории логичности, влияние авторской индивидуальности на общий стиль изложения, желание добиться большей выразительности и экспрессивности речи, в том числе – для оказания эмоционального воздействия на читателя.

Примером идеологически ориентированной исторической прозы, на наш взгляд, может служить сочинение Т. Клиффа. О его политической ангажированности можно судить, в частности, по такому фрагменту:

*Hence the appearance of the **tolkach** – the supply expeditor – who, quite illegally, takes an enormous commission for acquiring materials, machines, etc. Hence also the great importance of **blat**, or personal influence, for acquiring this equipment to which the factory manager is not entitled. Russian publications give ample testimony that it is a major phenomenon there. Another necessary by-product of irrationality and arbitrariness, which serves to aggravate both, is the multiplication of contradictory control systems to which we referred above [9, p.56].*

Обращает на себя внимание тенденциозное использование ксенонимов *tolkach* и *blat*, относящихся в русском языке к разряду стилистически сниженной лексики, однако в данном тексте употребляемых в качестве своего рода «терминов», сопровождающихся краткими «дефинициями». Также примечательно анафорическое расположение маркеров каузальной связи и введение одного из них в форме пресуппозиции (*Another necessary by-product of irrationality and arbitrariness*), позволяющей внедрить некритически воспринимаемую информацию.

Оговоримся, что приведенные фрагменты экзemplарны и являются единичными, наиболее типичными примерами, заимствованными из описанного текстового корпуса.

Подводя итог наших рассуждений о диалектике конвенционального и индивидуального в историческом дискурсе, считаем необходимым особо подчеркнуть, что принципиальной особенностью данного дискурса является сосуществование в нем различных типов знания: научного, публицистического, идеологического, эстетического. Этим предопределяется сложность методологических канонов исторического знания, их неоднозначность, жанровая обусловленность. Соответственно, своеобразное сочетание этих типов знания, осложненное «человеческим фактором», т.е. авторской индивидуальностью историка, предопределяет вариативность изложения истории, которая неустраима, присуща историческому знанию имманентно. Именно поэтому особо значимо такое качество исторического дискурса, как толерантность. Коммуникативно-познавательную категорию толерантности, ввиду их многоаспектности и интегративности, можно рассматривать – применительно к интересующей нас отрасли мыслительной деятельности – по меньшей мере, в трех ракурсах: 1) мировоззренческом: соблюдение ценностных ориентиров и принципов консонансного сосуществования людей, сотрудничество, уважение к чужому мнению, взаимопонимание и т.д.; 2) профессиональном: следование дисциплинарным требованиям, предъявляемым к профессии историка, корректное использование свидетельств, рациональное отношение к исторической фактологии, принцип «не оправдывать и не осуждать», разграничение идеологической и научной форм знания и т.д.; 3) лингвистическом: языковая компетентность историка, отказ от категоричности, стремление к обоснованности и ясности суждений, четкая аргументация. Как справедливо отмечают отечественные ученые К.А. Зуев и Е.А. Кротков [Зуев, Кротков 2010: 62–63], принципы толерантности призваны способствовать более полной и точной реконструкции социального прошлого, отсутствию ангажированности, отказу от заготовки «исторических аргументов» для политического дискурса в условиях, когда претензии на преимущественное право обладания «исторической правдой» способны вызвать реальные конфликты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Измерения исторического сознания / Р. Арон. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
2. Зуев К.А. Рациональность: дискурсный подход / К.А. Зуев, Е.А. Кротков. – М. : Изд-во РАГС, 2010.
3. Ильин В.В. Теория познания: Эпистемология / В.В. Ильин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

4. Котюрова М.П. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого : монография / М.П. Котюрова. – Пермь, 2011.
5. Лооне Э.Н. Современная философия истории / Э.Н. Лооне. – Таллин : Ээсти раамат, 1980.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология : научная монография / А. Мегилл ; пер. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. – М. : Канон+, 2007.
7. Савельева И.М. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – Санкт-Петербург : Наука, 2003.
8. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
9. Cliff T. Changes in Stalinist Russia. 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.marxists.org/archive/cliff/works/1958/xx/changes.htm>
10. Conquest R. Russia After Khrushchev / R. Conquest. – New York – London : Columbia University Press, 1965
11. Lowe N. Mastering Twentieth-Century Russian History / N. Lowe. – London : Palgrave Macmillan, 2002.

Елена Александровна Бобко, кафедра теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: yelena.bobko@yandex.ru

УДК 811.111-112:81'371

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ГРЕХ
 В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ XIV – XXI ВЕКОВ
 О.В. Ваховская (Черкасы, Украина)**

О.В. Ваховская. Вербализация концепта ГРЕХ в англоязычном дискурсе XIV – XXI веков. В статье рассматриваются содержание и структура концепта ГРЕХ, вербализованного средствами английского языка, и их диахроническое варьирование в англоязычном светском дискурсе XIV – XXI вв. ГРЕХ определяется как лингвокультурный религиозно-этический социорегулятивный концепт. Семантические связи лексем-наименований ГРЕХА, объединенных семой 'нарушение', структурируют лексико-семантическое поле с двумя микрополями 'нарушение морального / Божественного закона', что организует семантическое пространство номинаций ГРЕХА в виде сети концептов, профилируемых в концептуальных доменах РЕЛИГИОЗНОЕ и СВЕТСКОЕ. Когнитивные метафоры ГРЕХА образованы коррелятами понятийных групп «Физический объект», «Человек», «Животное», «Растение». Репрезентантами ГРЕХА в метонимиях являются ДЬЯВОЛ, ЖЕНЩИНА, ПРИЗНАК, ЦВЕТ и их экспликации, мотивированные христианскими символами. В диахронии наиболее существенным трансформациям подвергается ценностная составляющая ГРЕХА, которая изменяется с отрицательной на нейтральную и положительную.

Ключевые слова: диахроническое варьирование, домен, концепт ГРЕХ, лексико-семантическое поле, лингвокультурный концепт, метафора, метонимия, оценка, светский дискурс, символ.

О.В. Ваховська. Вербалізація концепту ГРІХ в англomовному дискурсі XIV – XXI століть. Стаття присвячена дослідженню змісту та структури концепту ГРІХ, вербалізованого засобами англійської мови, та їх діахронічного варіювання в англomовному світському дискурсі XIV – XXI ст. ГРІХ визначено як лінгвокультурний релігійно-етичний соціорегулятивний концепт. Семантичні зв'язки лексем-найменувань ГРІХА, об'єднаних семою 'порушення', структурують лексико-семантичне поле з двома мікрополями 'порушення моральне / Божественного закону', що організують семантичний простір його номінацій у вигляді мережі концептів, профільованих у концептуальних доменах РЕЛІГІЙНЕ та СВІТСЬКЕ. Когнітивні метафори ГРІХА утворені корелятами поняттєвих груп «Фізичний об'єкт», «Людина», «Тварина», «Рослина». Репрезентантами ГРІХА у

метоніміях є ДИЯВОЛ, ЖІНКА, ОЗНАКА, КОЛІР та їх експлікації, умотивовані християнськими символами. У діяхронії найсуттєвіше змінюється оцінна складова ГРІХА з негативної на нейтральну й позитивну.

Ключові слова: діяхронічне варіювання, домен, концепт ГРІХ, лексико-семантичне поле, лінгвокультурний концепт, метафора, метонімія, оцінка, світський дискурс, символ.

O.V. Vakhovska. The Verbalization of the Concept SIN in the English Discourse of the 14th–21st Centuries. This paper focuses on the contents and structure of the concept SIN verbalized in the English language and their historical development in the English secular discourse of the 14th–21st centuries. SIN is defined as a linguocultural religious/ethical socioregulative concept. The semantic connections of lexemes-nominations of SIN integrated by the seme ‘transgression’ structure a lexico/semantic field with two microfields ‘transgression of moral / Divine law’ organizing the semantic space of the nominations of SIN as a network of concepts profiled within the conceptual domains RELIGIOUS and SECULAR. Cognitive metaphors of SIN involve conceptual groups “Physical object”, “Man”, “Animal”, “Plant” as source domains. Representations of SIN in metonymies include DEVIL, WOMAN, INDICATION, COLOUR and their explications motivated by the Christian symbols. The most significant diachronical changes take place in the evaluative aspect of SIN which shifts from negative to neutral and positive.

Key words: concept SIN, diachronic variation, domain, evaluation, lexico/semantic field, linguocultural concept, metaphor, metonymy, secular discourse, symbol.

1. Актуальность, цель, объект, предмет и материал исследования.

Одна из важнейших культурных констант [Степанов 1997: 685–690], концепт ГРЕХ является объектом изучения в философии [Бердяев 1989; Булгаков 1994; Гак 2000; Карсавин 1919; Кьеркегор 1993; Лосский 1991; Ницше 1990; Соловьев 2010; Флоренский 2003; Франк 1992; Хабермас 2002; Шабалин 2010], психологии [Вундт 1912; Фрейд 1997], социологии [Фромм 2000], теологии [Абеляр 1959; Златоуст Иоанн; Нибур Райнхольд 1996; Augustine of Hippo 1887; Gregory of Nyssa 1893; Origen 1885; Thomas Aquinas 2008]. В лингвистике, в зависимости от доминирующей парадигмы, анализ ГРЕХА на материале различных языков выполняется в рамках лексикологии [Гартман 2002; Козина 2003; Малевинский 2006; Панова 2000; Якушкина 2004; Wierzbicka 1996] (в том числе фразеологии [Брилева 2007; Дженкова 2002; Зубко 2009; Козина 2003; Augustine of Hippo 1887]), стилистики (на материале фольклора [Брилева 2007]), дискурс-анализа [Бобырева 2007; Брилева 2007; Бушакова 2010; Карыпкина 2003; Семухина 2008; Силецкий 1991], лингвокогнитивистики [Брилева 2007; Бушакова 2010; Карыпкина 2003; Козина 2003; Семухина 2008].

В новейшей когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики начато изучение концепта ГРЕХ как концепта английской [Wierzbicka 1996], немецкой [Дженкова 2002; Зубко 2009], французской [Семухина 2008], итальянской

[Панова 2008] и русской [Брилева 2007; Дженкова 2002; Зубко 2009; Козина 2003; Панова 2000; Семухина 2008] лингвокультур. Однако до сих пор отсутствует комплексное описание концепта ГРЕХ в единстве его содержательных параметров и вербальной представленности в английском языке: недостаточно исследованными остаются семантические характеристики лексем, именующих этот концепт, его структура, средства метафорической и метонимической номинации, когнитивная специфика в англоязычном светском дискурсе разных исторических периодов.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в нем с позиций доминирующей когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики раскрывается исторический инвариант вербализованного средствами английского языка концепта ГРЕХ, обладающего непреходящей значимостью для христианских культур Великобритании и США, в единстве его языковой и дискурсивной реализации; выявляется историческая динамика когнитивных свойств ГРЕХА. Работа способствует решению одной из важнейших научных задач антропоцентрической лингвистики – выявлению связи языка и отдельных фрагментов картины мира на определенных исторических этапах; содействует становлению исторической лингвокогнитивистики.

Цель исследования – определение содержания и структуры концепта ГРЕХ как составляющей англоязычной христианской картины мира, его исторически постоянных лингвокогнитивных характеристик, особенностей исторической динамики в светском дискурсе XIV–XXI вв.

Объектом исследования является концепт ГРЕХ, вербализованный лексическими средствами английского языка. **Предметом** анализа избраны лингвокогнитивные характеристики концепта ГРЕХ, вербализованного прямыми и непрямыми средствами английского языка, и историческая динамика этих характеристик в англоязычном светском дискурсе XIV – XXI вв.

Материалом исследования послужили 137 лексем, именующих ГРЕХ, отобранных из лексикографических источников методом сплошной выборки. Корпус исследования составляют 15000 фрагментов англоязычного светского дискурса, объективирующих концепт ГРЕХ, почерпнутых из художественных произведений и публицистики Великобритании и США XIV – XXI вв., представленных в печатных и электронных источниках.

2. Принципы анализа концепта ГРЕХ. Концепт ГРЕХ аккумулирует базовые ценности в области философии, религии, морали, сложившиеся в ходе развития цивилизации. Глубоко укорененное в христианской культуре, понятие греха – нарушения социально и культурно обусловленной меры в сфере человеческого духа – неонтологично, поскольку именно через осознание меры, соответствующей данному духу, осуществляется взаимосвязь духа и греха как его внутреннего разрушения [Шабалин 2010].

Исторически осознание ГРЕХА осуществляется в соответствии с пониманием самого духа. Так, в мифологии ГРЕХ понимается как нарушение

табу и почти не имеет этической нагрузки [Вундт 1912; Толстая 2000; Фрейд 1997; Этика 2001 и др.]. В христианстве понятие греха является по преимуществу библейским: основанный на представлении о религиозной автономии человека, свободе его воли [Бердяев 1989; Булгаков 1994; Карсавин 1919; Кьеркегор 1993; Лосский 1991; Райнхольд 1996; Ницше 1990; Соловьев 2010; Флоренский 2003; Франк 1992], ГРЕХ проистекает из идеи неразрывной связи человека с Богом [Абеляр 1959; Златоуст Иоанн; Augustine of Hippo 1887; Gregory of Nyssa 1893; Origen 1885; Thomas Aquinas 2008] и уже в Новом Завете имеет исключительно моральный смысл, подразумевая прежде всего нарушение данного Богом нравственного закона [Гартман 2002]. Богословие детально разработало понятие первородного греха и классификацию проистекающих из него личных грехов [Златоуст Иоанн; Augustine of Hippo 1887; Thomas Aquinas 2008], номенклатура которых продолжает развиваться и сегодня.

В религиозной философии нет общепризнанного понимания ГРЕХА, его трактовки базируются на различных онтологических и методологических основаниях. В частности, ГРЕХ, связанный с понятиями разума и свободы воли, морального выбора и чувства религиозной вины [Кьеркегор 1993], отчуждения, эгоизма, разъединенности человека и мира [Фромм 2000], рассматривается не только как препятствие на пути человека к Богу [Бердяев 1989; Булгаков 1994; Лосский 1991; Соловьев 2010; Флоренский 2003; Франк 1992], как мерило высоты и глубины духовного мира человека [Райнхольд 1996], но и как естественное проявление истинной человеческой природы [Ницше 1990]. Критическое обобщение религиозно-этических трактовок ГРЕХА свидетельствует о принципиальной схожести его понимания в католичестве и протестантизме – основных течениях христианства в Великобритании и США.

В лингвистике анализ ГРЕХА проводится на материале различных языков: английского [Карыпкина 2003; Силецкий 1991; Wierzbicka 1996], немецкого [Дженкова 2002; Зубко 2009], французского [Семухина 2008], итальянского [Панова 2000] и русского [Бобырева 2007; Брилева 2007; Бушакова 2010; Гак 2000; Гартман 2002; Зубко 2009; Козина 2003; Малевинский 2006; Семухина 2008; Якушкина 2004 и др.]. Лингвистические трактовки ГРЕХА [Бобырева 2007; Бушакова 2010; Семухина 2008] подчеркивают его универсальный характер, религиозно-этическую природу и культурную детерминированность, предполагающую варьирование содержания ГРЕХА в религиозном и светском сегментах христианской картины мира.

Картина мира – исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании носителей данной картины мира и являющийся результатом всей духовной активности человека [Постовалова 1988: 21]. Картина мира является сложным образованием: концептуальная картина мира состоит из **концептов** –

оперативных содержательных единиц памяти и мышления, «квантов структурированного знания» [Кубрякова 1996: 90] «разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами» [Болдырев 2001: 23]. Концептуальная картина мира как «глобальный динамический образ мира в сознании людей» [Бондаренко 2009: 25] включает в себя языковую картину мира – сумму вербализованных знаний человека о мире и о самом себе [Кубрякова 2004].

Реализованная в языковой форме, специфика сознания носителей культуры на том или ином историческом срезе выстраивается в модель, отражающую динамику столкновения и / или согласования различных типов ценностей [Слышкин 2004: 284]. Тем самым концепт существует не как застывший информационный «сгусток», передаваемый от поколения к поколению, а как непрекращающийся процесс ассоциирования и номинации феноменов отражаемой сознанием действительности [там же], концепт предполагает историческую изменчивость, анализ которой, по определению И.С. Шевченко, направлен на воссоздание соответствующего фрагмента ценностной картины мира в сознании носителей культуры на определенном историческом этапе [Шевченко 2011; также см.: Бондаренко 2009; Полина 2004; Степанов 1997; Шваб 2006].

Изучение ГРЕХА в направлении от культуры к индивидуальному сознанию опирается на раскрытие его **предконцептуальной основы** – непосредственной психической данности, укорененной в культовом мышлении и еще не опредмеченной словом [Белехова 2004: 6; Полина 2004: 26]. В основе универсального для всех человеческих сообществ концепта ГРЕХ лежит психологический архетип ТЕНЬ (в терминологии К.Г. Юнга [Юнг 2010]): *There was something horrid and absurd in their way of sinning, for it was all a force even upon themselves; they did not only act against conscience, but against nature /D. Defoe/,* подверженность которого трансформациям обуславливает одновременную выраженность в концепте ГРЕХ мотивов архетипов САМОСТЬ: *my fallen nature got the better of me <...> I get the better of my fallen nature /W. Collins/* и АНИМА: *this pain is our natural lot <...> nothing pure whether for good or evil: and my husband, like myself and all the rest of us, only a poor, kind-hearted sinner, striving for the better part /R.L. Stevenson/.*

Предконцептуальная основа ГРЕХА зафиксирована архетипическими символами ТЬМА, ДЬЯВОЛ, СМЕРТЬ, ЗМЕЯ и др., которые, воплощая генетически фиксированные, первичные образы и идеи, являющиеся достоянием культурного бессознательного [Юнг 2010], несут одни и те же или очень сходные значения для всего человечества. Архетипическая природа концепта ГРЕХ предопределяет его историческое и современное бытование в англоязычном культурном пространстве. В частности, расширение и варьирование содержания и оценки ГРЕХА в процессе изменения культурной среды обуславливается и объясняется амбивалентностью лежащих в его основании архетипов: *Some rise by sin, and some by virtue fall /W. Shakespeare/.*

Архетипические праобразы ГРЕХА опредмечиваются в мифологической картине мира, где они получают имя и обретают статус концепта с тем, чтобы в дальнейшем, разворачиваясь, определять вектор культурного развития в целом. Единица мифологического сознания, архаичный ГРЕХ практически не имеет этической нагрузки, о чем свидетельствует лежащий в его основании **этимологический слой** (термин Ю.С. Степанова [1997]), образованный внутренней формой имени этого концепта – лексемы *sin* (п.) – и состоящий из значений ‘несоответствие норме (в древний период – обиходно-бытовой, позднее – религиозной, этической)’ (протогерм. **sundjo*, ОЕ *synn*); ‘несовершенство’; ‘движение от центра / на север’ (древневерхненем. *sind*); ‘ошибка’, ‘то, что является действительным, сущим, мирским, тленным’ (древнегерм. *sanP-* / *sunð-* от индоевроп. **ost-*) в отличие от идеального, сакрального, духовного или воображаемого. Эти значения воплощены в форме имен существительных и связывают ГРЕХ с категорией предметности.

Познающий субъект – носитель когниции – является активным началом, генерирующим значения выражений, а не берущим их готовыми из природы [Кубрякова 1996: 74]. Средой для конструирования смыслов выступает дискурс [Шевченко 2005]. Этический концепт ГРЕХ не существует как онтологическая сущность, а является результатом гносеологических операций конструирования в конкретной ситуации дискурса в соответствии с коммуникативной компетенцией говорящего, культурой и социумом на определенном временном срезе: *Academics regard bias as a sin, but others may regard it as a virtue /BNC/*. Эпистемологическая (моделируемая) сущность ГРЕХА как культурно детерминированного феномена раскрывается, с одной стороны, как межкультурное различие представлений о ГРЕХЕ: *Japan, where love was no sin /K. Grahame/* и, с другой, как их историческая изменчивость в рамках одной культуры: изменение характера оценки: *'Twas sin before, but now 'tis charity /W. Shakespeare/* и изменение номенклатуры грехов: *Abortion, divorce, premarital sex, and drug trafficking are listed as serious sins /BNC/*.

Как предельно широкий концепт, ГРЕХ является **лингвокультурным концептом** (в трактовке В.И. Карасика [2009], Ю.С. Степанова [1997]), содержание которого обусловлено этно- и социокультурной спецификой той картины мира, частью которой он является. Лингвокультурный концепт, структурированный понятийной, ценностной и образной составляющими [Карасик 2009], «принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин 2004: 9].

Общественная значимость норм этики определяет ГРЕХ как **социокультурный регулятивный концепт** (термин В.И. Карасика [2009]), в концентрированном виде содержащий оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. ГРЕХ, являясь результатом когнитивной процедуры оценивания, имеет градуальный характер (*We are constantly committing sin, but some kinds of offence are more disturbing than others /BNC/*): содержание и оценка ГРЕХА зависят от культурных, социальных, психологических аспектов

картины мира в единстве высших (*I did not compound my sinful life by the stain of a murder /COCA/*) и частных, культурно (*sexual activity is culturally viewed as sinful /COCA/*) и индивидуально (*something which he had been taught to regard as sinful /BNC/*) обусловленных ценностей, что свидетельствует о неразрывности понятийной и ценностной составляющих в структуре концепта ГРЕХ.

Этический концепт ГРЕХ является элементом религиозного и светского сегментов англоязычной картины мира. Библейское понятие греха, сохраняясь практически неизменным в религиозном сегменте христианской картины мира, является прототипическим для светского дискурса: совокупность характеристик ГРЕХА, представленная в религиозных текстах как прецедентных (The Holy Bible), является семантической точкой отсчета культурно и социально обусловленного диахронического варьирования характеристик этого концепта в светском дискурсе XIV – XXI вв.

3. Понятийно-ценностная составляющая лингвокультурного концепта ГРЕХ. Концепт ГРЕХ в английском языке представлен разноуровневыми средствами номинации. На уровне слова вербальная репрезентация ГРЕХА осуществляется именем этого концепта – лексемой *sin* (n.) и ее синонимами *atrociousness, corruption, crime, criminality, deficiency, defilement, delinquency, demerit, depravity, deviation, disobedience, error, evil, evildoing, fault, guilt, ill, immorality, imperfection, impiety, impiousness, iniquity, misbehaviour, misconduct, misdeed, offence, peccability, peccadillo, peccancy, shortcoming, sinfulness, transgression, trespass, ungodliness, unrighteousness, vice, viciousness, violation, wickedness, wrong, wrongdoing* и др., которые демонстрируют прямое значение, и средствами вторичной номинации – метафорой и метонимией.

Содержательную структуру концепта ГРЕХ образуют значения лексемы *sin* (n.): ‘нарушение Божественного закона’: *sin against the Holy Ghost /BNC/*, ‘нарушение нормы морали’: *he regards unpunctuality almost as a mortal sin /BNC/*, ‘нарушение нормы права’: *Poison and treason are the hands of sin /W. Shakespeare/*, ‘нарушение бытийной нормы’: *It's a wicked sin to let good food get cold /BNC/*, объединенные интегральной семой ‘нарушение’ и сопутствующей оценочной семой ‘плохо’. Диффузность значений наиболее частотной в дискурсе лексемы *sin* (n.) подтверждает ее гештальтную семантику.

Концепт ГРЕХ характеризуется высоким показателем номинативной плотности и структурируется лексико-семантическим полем «*Sin*», значения доминанты которого – лексемы *sin* (n.) – определяют семантическую структуру ГРЕХА как единство гиперсем ‘нарушение Божественного закона’ и ‘моральное / правовое / бытийное нарушение’, первая из которых мотивируется религиозным опытом ГРЕХА, а вторая объединяет три семы, мотивированные его светским опытом. Соответственно, лексико-семантическое поле «*Sin*» организовано двумя микрополями, где гиперсема ‘нарушение Божественного закона’ мотивирует микрополе «*Ungodliness*», а гиперсема ‘моральное / правовое / бытийное нарушение’ – микрополе «*Wrong*», каждое

из которых разворачивается по принципу центр – периферия и имеет расширения, т.е. отдельные центр-периферийные семантические структуры.

Семантический центр микрополя «*Ungodliness*» – гиперсема ‘нарушение Божественного закона’ – ослвлен синонимической парой *ungodliness – godlessness: the world of vice and ungodliness /COCA/, the godlessness of society /BNC/*; его периферия образована семами ‘безбожие’ (лексема *impiety*), ‘нечестивость’ (*impiousness*), ‘своеволие’ (*blasphemy*), ‘выбор зла или промежуточного (мнимого, неистинного) блага’ (*evil*), ‘лишение Божественной благодати’ (*damnation*), ‘осознание собственной вины перед Богом’ (*guilt*). Микрополе «*Ungodliness*» имеет одно семантическое расширение «*Sinfulness*», обозначенное семой ‘несовершенство человеческой природы’ (лексема *sinfulness*): *we know the reality within us of sinfulness /BNC/*.

Гиперсема ‘нравственное / правовое / бытийное нарушение’ (лексема *wrong* (п.)) является семантическим ядром полицентрического микрополя (термин А.В. Бондарко) «*Wrong*» и мотивирует три семантические расширения: расширение «*Immorality*» мотивировано семой ‘нарушение нормы морали’: *the immorality of prostitution /BNC/*; «*Crime*» – семой ‘нарушение нормы права’: *he did not repent of his crime /BNC/*; «*Deviation*» – семой ‘нарушение бытийной нормы’: *Deviation from normality was a sin against the Emperor /BNC/*.

Структура лексико-семантического поля «*Sin*» организует семантическое пространство номинаций ГРЕХА (микрополя «*Ungodliness*», «*Wrong*») в виде **концептуальных доменов** (см. [Жаботинская 2009; Langacker 2000: 147, 488, 547]), соответствующих двум видам опыта ГРЕХА, где его религиозный опыт (микрополе «*Ungodliness*») структурирует домен РЕЛИГИОЗНОЕ, а светский (микрополе «*Wrong*») – домен СВЕТСКОЕ. Профилирование концепта ГРЕХ в пределах двух противоположных по типу мировоззрения доменов актуализирует различные значения его лексем-репрезентантов. Тем самым семантическое пространство номинаций ГРЕХА структурировано сетью концептов, профилируемых в пределах доменов РЕЛИГИОЗНОЕ и СВЕТСКОЕ.

Схемное представление концепта ГРЕХ (рис. 1) соответствует отношениям спецификации и каузации (см. [Жаботинская 2009]) между концептами, профилируемыми в пределах соответствующих доменов. Домен РЕЛИГИОЗНОЕ упорядочивается отношениями спецификации и каузации между концептом БЕЗБОЖИЕ (*sin is whatever opposes God /BNC/*) и концептами ГРЕХОВНОСТЬ, НЕЧЕСТИВОСТЬ, ВИНА, НЕСОВЕРШЕНСТВО, ВЕЧНЫЕ МУКИ, СВОЕВОЛИЕ и др.

Домен СВЕТСКОЕ упорядочивается отношениями спецификации и каузации, связывающими концепты БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ (*Immorality remains a wholly private matter /BNC/*), ПРЕСТУПЛЕНИЕ (*Crime is a moral category /BNC/*) и НЕПРАВИЛЬНОСТЬ (*moral tale of wrongdoing /BNC/*) с концептами ОШИБКА, НЕДОСТАТОК, ПЛОХОЙ ВКУС, НЕБЛАГОРАЗУМИЕ, МОРАЛЬНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ, ПРОСТУПОК, БЕЗЗАКОНИЕ и др.

Понятийно-ценностная составляющая концепта ГРЕХ охватывает совокупность его диахронически постоянных и переменных концептуальных признаков, укорененных в библейской трактовке как его неразрывная связь с концептами БОГ и ЧЕЛОВЕК: *a mortal sin is against the laws of God and man /Th. Dreiser/*, гендерная маркированность: *She is a woman, and as such, heir to all the sins of the flesh in this sinful world /COCA/*, принадлежность сфере духовного опыта: *sinners, in other words those who are poor in spirit /BNC/*, общечеловеческий характер (наступившее в результате грехопадения изменение человеческой природы и мира в целом): *All we men and women have our sins /R.L. Stevenson/*, отрицательная оценка: *Sin is Bad! /BNC/*, из которых первые два являются **исторически постоянными концептуальными признаками ГРЕХА.**

Основным фактором **диахронического варьирования содержательных характеристик концепта ГРЕХ** является секуляризация англоязычного социума и культуры. В дискурсе XIV – XXI вв. это проявляется в изменении таких библейских характеристик ГРЕХА, как его принадлежность сфере духовного опыта и общечеловеческий характер. Осмысление ГРЕХА вне сферы духовности: *all the social sins for which London has to confess her guilt /A. Trollope/* сопровождается появлением нетипичных моделей сочетаемости и непрототипических значений лексемы *sin* (n.). Трансформация идеи всеобщности ГРЕХА в представления о его частном характере реализуется в понятиях гендера: *you count what is a shame in a woman to be an infamy in a man /O. Wilde/*, класса: *Through tatter'd clothes small vices do appear; / Robes and furr'd gowns hide all /W. Shakespeare/* и расы: *White folks is sinners too <...> but I spect niggers is the biggest ones /H. Beecher Stowe/*. Примеры XXI в. фиксируют идею безгрешности говорящего: *A real sinner <...> who will get into heaven because he has stolen the gates /BNC/*, что подтверждает культурно-историческую десакрализацию ГРЕХА.

Наибольшему изменению подвергается степень категоричности отрицательной оценки ГРЕХА, диахроническое варьирование которой в дискурсе XIV – XXI вв. представляет собой однонаправленный процесс нарастающего изменения ценностной составляющей изучаемого концепта с библейской (отрицательной) оценки на нейтральную: *sins are so unromantically easy! /R.L. Stevenson/* и положительную: *the beauty of their sin /O. Wilde/*. Максимальным отходом от библейского оценочного прототипа ГРЕХА характеризуется дискурс XX – XXI вв., где отрицательная оценка ГРЕХА реализуется в 39%, нейтральная – 34%, положительная – 27% примеров.

4. Образная составляющая лингвокультурного концепта ГРЕХ. Образное воплощение понятийно-ценностной составляющей ГРЕХА основано на механизмах метафорического сравнения и метонимического переноса. **Когнитивная метафора** основана на аналоговом моделировании сложного для когниции явления, именованного через что-то более простое, наглядное,

доступное для понимания и освоенное практически [Жаботинская 2011; Барселона 2003; Kövecses 2002; Lakoff 1999 и др.]. Метафорический процесс обеспечивается когнитивным эффектом высвечивания-затемнения отдельных элементов в структуре концептуального коррелята, где при проецировании используемой части структуры коррелятивного концепта на референтный концепт происходит метафорическое высвечивание определенного фрагмента в структуре референта [Kövecses 2002; Lakoff 1999]. Общие признаки референта и коррелята образуют зону перекрестного картирования [Жаботинская 2011; Lakoff 1999], т.е. проекции некоторых составляющих ментальной модели коррелята на участки ментальной модели референта [Fauconnier 2007]. При метафоризации для осмысления одного референта могут привлекаться несколько коррелятов, образующих диапазон концептуальной метафоры [Kövecses 2002].

Метафорическая концептуализация ГРЕХА осуществляется посредством целого ряда концептов-коррелятов, образующих диапазон исторически постоянных когнитивных метафор ГРЕХА. В соответствии с фрагментами целостного представления человека о мире эти концепты упорядочены в четыре понятийные группы: «Физический объект», «Человек», «Животное» и «Растение» с дальнейшим выделением отдельных понятийных подгрупп.

Понятийная группа коррелятов «Физический объект» образует метафоры ГРЕХ *есть* ОБЪЕКТ/ СУБСТАНЦИЯ / СОБЫТИЕ и включает семь подгрупп:

- «Объект в пространстве» – подгруппа коррелятов, формирующая четыре метафоры на базе ориентации в пространстве, укорененной в древнем мифически-религиозном членении космоса: ГРЕХ *есть* ВНИЗУ / ВНУТРИ / СНАРУЖИ / СЛЕВА (*the Catholic underworld of sin /BNC/*);
- «Тяжесть» образует две метафоры как результат картирования признаков концепта ТЯЖЕЛАЯ НОША на концепт ГРЕХ: ГРЕХ *есть* БРЕМЯ / БРЕННАЯ ОБОЛОЧКА (*on him rested the weight of all her sin /H. Rider Haggard/*);
- «Вместилище» образует метафоры ГРЕХ *есть* ОБЪЕКТ- / СУБСТАНЦИЯ-ВМЕСТИЛИЩЕ (*she was in mortal sin /BNC/; the sin around her /W. Churchill/*);
- «Неживая природа»: метафоры ГРЕХ *есть* ВОДА / КАМЕНЬ (*the stream of human sin /W. Collins/*);
- «Грязь»: метафоры ГРЕХ *есть* ГРЯЗЬ / ПЯТНО (*stained his soul with a deadly sin /W. Collins/*);
- «Путь»: метафоры ГРЕХ *есть* ПУТЬ / КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ (*the broad boulevard of sin /E.R. Burroughs/*);
- «Товар»: метафора ГРЕХ *есть* ТОВАР (*I paid a high wage for each hour of sin /BNC/*).

Проекция на концепт ГРЕХ активированных элементов структуры коррелятов, принадлежащих **понятийной группе «Человек»**, приводит к формированию метафор ГРЕХ *есть* ЧЕЛОВЕК / ВРАГ (*the victory over Sin /Ch. Dickens/*), а мотивированные ею подгруппы образуют, соответственно:

- «Болезнь» – метафоры ГРЕХ *есть* БОЛЕЗНЬ / ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО (*the illness as sin made manifest in bone/BNC/*);
- «Охота» – метафоры ГРЕХ *есть* ОХОТНИК / ДОБЫЧА / ПРИМАНКА (*Satan baits his hooks with sin /BNC/*);
- «Лишение свободы» – метафоры ГРЕХ *есть* ЛОВУШКА / РАБСТВО (*the slavery of sin /W. Scott/*).

Картирование на концепт ГРЕХ признаков коррелятов, входящих в **понятийную группу «Животное»**, лежит в основе метафор ГРЕХ *есть* ЖИВОТНОЕ / ЗВЕРЬ / ЧЕРВЬ: *pitcher houses are dens of sin /BNC/*.

Конституенты **понятийной группы «Растение»** выступают коррелятами ГРЕХА в метафорах ГРЕХ *есть* РАСТЕНИЕ / СОРНЯК: *the fruits of sin /H. Fielding/*.

В отличие от метафоры, вовлекающей несколько концептосфер, **концептуальная метонимия** определяется как лингвокогнитивная операция замещения в пределах одной концептосферы, когда одна концептуальная сущность обеспечивает ментальный доступ к другой [Barcelona 2003; Barnden 2010; Croft 2006; Dirven 2002; Kövecses 2002 и др.] на основе партитивного, пространственно-временного, каузативного и др. типов отношений между ними: в метонимии, в которой отношения смежности сводятся к глубоко укорененным в культуре ассоциациям, репрезентант способен представлять репрезентируемое визуально, акустически или неперцептивно [Barnden 2010]. К **метонимической номинации концепта ГРЕХ** в дискурсе XIV – XXI вв. привлекаются взаимосвязанные репрезентанты ГРЕХА, которые на основании их принадлежности сфере религиозного опыта ГРЕХА, объективированного в христианской символике, объединены в четыре понятийные группы, с которыми ассоциируется ГРЕХ: «Зло», «Женщина», «Признаки ГРЕХА» и «Колоративный культурный код ГРЕХА».

Репрезентанты ГРЕХА, принадлежащие **понятийной группе «Зло»**, участвуют в формировании метонимии ДЬЯВОЛ *вместо* ГРЕХА: *Devil in that picture of sinner's death showing him a woman /J. Joyce/* и мотивированных ею метонимий ТЬМА / НОЧЬ / ТУЧА / ЛЕС / СМЕРТЬ / ЗМЕЙ / ВАСИЛИСК / АД / ОГОНЬ *вместо* ГРЕХА: *The Forest of Sin /BNC/*.

Понятийная группа «Женщина» включает репрезентанты ГРЕХА в метонимии ЖЕНЩИНА *вместо* ГРЕХА: *Take that woman away – she is sin /J. Conrad/* и эксплицирующих ее метонимиях ЯБЛОКО / СЕКС / ПОСТЕЛЬ / ПОЛОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ / ЧРЕВО / РЕБЕНОК / НАГОТА / КРАСОТА / РОСКОШЬ / УДОВОЛЬСТВИЕ *вместо* ГРЕХА: *beauty is a sign of sin /BNC/*.

Представления о признаках ГРЕХА (*punning is indicative of sin /BNC/*) объективированы метонимиями СТАРОСТЬ / ОДИНОЧЕСТВО /

ПОТАЕННОСТЬ *вместо* ГРЕХА: *ideas which linked old men with the image of sin /BNC/.*

Колоративный культурный код ГРЕХА лежит в основе метонимий КРАСНЫЙ / ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ *вместо* ГРЕХА: *red was an evil colour /BNC/, her soul must be black as sin /E.R. Burroughs/.*

В процессе исторического развития образной составляющей ГРЕХА формируются метафоры и метонимии ГРЕХА – диахронические константы, реализующие его библейскую оценку, и диахронические переменные. Переменными являются как новые экспликации ГРЕХА с негативной (библейской) оценкой, так и небиблейские метафоры и метонимии, объективирующие его нейтральную / положительную оценку.

В количественном плане диахронические изменения затрагивают ряд когнитивных метафор ГРЕХА, реализующих его отрицательную оценку и функционирующих лишь в отдельные исторические периоды: ГРЕХ *есть* ИНФЕКЦИЯ / ПАУТИНА / КЛЕТКА / ТЕМНИЦА / СОН / МОРЕ / СКАЛА / ПАУК / СКОРПИОН / СОПЕРНИК / ПРЕСТУПНИК / ВЕЛЬМОЖА: *The Livery of Sin /W. Thackeray/.*

В качественном плане в современном дискурсе обнаружена специализация метафор ГРЕХ *есть* БОЛЕЗНЬ / ТОВАР: *sin taxes on beer, spirits and tobacco /BNC/*, ценностная трансформация метафор ГРЕХ *есть* ГРЯЗЬ / ОБЪЕКТ: *delicious as the less criminal forms of sin /M. Twain/.* Положительная оценка ГРЕХА в дискурсе конца XX–XXI вв. объективирована метафорой ГРЕХ *есть* ВВЕРХУ: *To dizzy heights of sin /BNC/.*

В современном дискурсе ценностная окраска метонимий ДЬЯВОЛ / АД / ЖЕНЩИНА / СЕКС / ПОЛОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ / РЕБЕНОК / КРАСОТА / РОСКОШЬ / УДОВОЛЬСТВИЕ / ОДИНОЧЕСТВО *вместо* ГРЕХА становится амбивалентной: *devil is always attractive /H. Rider Haggard/.* В дискурсе конца XIX – XXI вв. зафиксированы метонимии СВЕТ / БЕЛЫЙ ЦВЕТ *вместо* ГРЕХА: *the fairest sin /Joyce/, white sin /COCA/*, которые объективируют положительную оценку изучаемого концепта.

5. Выводы. Применение когнитивно-дискурсивного подхода в исследовании содержания, структуры и исторической динамики концепта ГРЕХ показало, что ГРЕХ в англоязычной картине мира представляет собой лингвокультурный религиозно-этический социорегулятивный концепт, структурированный единством понятийной, ценностной и образной составляющих, первые две из которых неразрывны.

Содержание концепта ГРЕХ обусловлено спецификой той картины мира, частью которой он является, а средства его вербализации отражают мировоззрение носителей культуры определенной эпохи (прежде всего религиозное или светское), их социо- и этнокультурные традиции.

Концепт ГРЕХ восходит к психологическим архетипам ТЕНЬ, САМОСТЬ и АНИМА, его этимологический слой сформирован значениями ‘несоответствие норме’, ‘движение от центра / на север’, ‘ошибка’, ‘тлен’,

‘несовершенство’. Предконцептуальная основа ГРЕХА зафиксирована архетипическими и религиозными символами (ТЬМА, ДЬЯВОЛ, СМЕРТЬ, ЗМЕЯ и др.), которые легли в основу его исторически постоянных метафор и метонимий.

Концепт ГРЕХ характеризуется высоким показателем номинативной плотности, заданным семантическими связями имени этого концепта – лексемы *sin* (n.) – с 40 основными синонимами. Лексемы-наименования ГРЕХА формируют лексико-семантическое поле «*Sin*», состоящее из микрополей «*Ungodliness*» и «*Wrong*», развернутых вокруг ядра – лексемы *sin* (n.). Соответственно, семантическое пространство номинаций ГРЕХА дает представление про схему этого концепта как укорененный в сознании образец опыта, организованный в виде концептуальных доменов РЕЛИГИОЗНОЕ и СВЕТСКОЕ, в пределах которых профилируются концепты, связанные отношениями спецификации и каузации. С одной стороны, это концепты БЕЗБОЖИЕ, ГРЕХОВНОСТЬ, НЕЧЕСТИВОСТЬ, ВИНА, НЕСОВЕРШЕНСТВО, ВЕЧНЫЕ МУКИ, СВОЕВОЛИЕ и др. (домен РЕЛИГИОЗНОЕ) и, с другой, НЕПРАВИЛЬНОСТЬ, БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ОШИБКА, НЕДОСТАТОК, ПЛОХОЙ ВКУС, НЕБЛАГОРАЗУМИЕ, МОРАЛЬНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ, ПРОСТУПОК, БЕЗЗАКОНИЕ и др. (домен СВЕТСКОЕ), отражающие соответствующие сферы опыта познания ГРЕХА человеком.

Динамика социума и культуры обуславливает историческое варьирование характеристик ГРЕХА как концепта культуры, включающего исходную этимологию, сжатую до основных признаков содержания историю, современные ассоциации и оценки. В светский сегмент христианской картины мира вошли прототипические (библейские) признаки ГРЕХА: его неразрывная связь с концептами БОГ и ЧЕЛОВЕК, гендерная маркированность – исторически постоянные понятийные характеристики, и исторически переменные – принадлежность сфере духовного опыта, общечеловеческий характер, отрицательная оценка. Последние подвергаются диахроническому варьированию в результате десакрализации ГРЕХА: вместо сферы духовного опыта ГРЕХ все чаще профилируется в домене СВЕТСКОЕ; его общечеловеческий характер трансформируется в гендерный, классовый, расовый; негативная ценностная составляющая изменяется на нейтральную или позитивную.

Образная составляющая ГРЕХА воплощена в его метафорах и метонимиях. Диапазон исторически постоянных когнитивных метафор ГРЕХА образован концептуальными коррелятами, принадлежащими понятийным группам «Физический объект», «Человек», «Животное» и «Растение» и их подгруппам, выделенным по родо-видовому принципу, где определенный фрагмент структуры коррелята частично перекрестно картируется на референт ГРЕХ. Диахронически постоянные метонимии ГРЕХА, укорененные в архетипических и христианских символах, образованы

его репрезентантами – концептами ДЬЯВОЛ, ЖЕНЩИНА, ПРИЗНАК, ЦВЕТ и их экспликациями ТЬМА, ОГОНЬ, ЯБЛОКО, ЧРЕВО, СТАРОСТЬ, ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ и др. Основные тенденции исторической динамики образной составляющей ГРЕХА в англоязычной христианской лингвокультуре состоят в переосмыслении и переоценке его отдельных прототипических (библейских) качеств, о чем свидетельствует появление в дискурсе XX – XXI вв. новых средств не прямой номинации ГРЕХА, объективирующих, в частности, его положительную оценку.

6. Перспективы исследования. Перспективным для дальнейших исследований представляется анализ других вербализованных этических концептов в англоязычной картине мира, углубленное исследование метафорических и метонимических способов конструирования мира на материале английского и иных языков, дальнейшая разработка историко-когнитивного подхода в лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абеляр П. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином. История моих бедствий / П. Абеляр. – М. : Издательство АН СССР, 1959. – 255 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
3. Белехова Л.І. Глосарій з когнітивної поетики : наук.-метод. посібник / Л.І. Белехова. – Херсон : Айлант, 2004. – 124 с.
4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики : монография / Е.В. Бобырева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 385 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии ; изд. 2-е, стер. / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.
6. Бондаренко Е.В. ВРЕМЯ как лингвокогнитивный феномен в англоязычной картине мира : монография / Е.В. Бондаренко. – Харьков : Харьков. нац. ун-т имени В.Н. Каразина, 2009. – 377 с.
7. Брилева И.С. Концепт греха в структуре фольклорного произведения: на материале малых жанров и сказочной прозы : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Брилева Ирина Сергеевна. – М., 2007. – 216 с.
8. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
9. Бушакова М.Н. Лексико-семантические и православно-культурные параметры концепта «грех» в русском языке : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / М.Н. Бушакова. – Ставрополь, 2010. – 27 с.
10. Вундт В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – М. : Космос, 1912. – 132 с.

11. Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей / В.Г. Гак // Логический анализ языка: Языки этики ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 90–97.
12. Гартман Н. Этика / Н. Гартман. – СПб. : Издательство «Владимир Даль», 2002. – 708 с.
13. Дженкова Е.А. Концепт «грех» в русской и немецкой лингвокультурах (опыт анализа паремиологического фонда) / Е.А. Дженкова // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. – Волгоград : Колледж, 2002. – С. 101–104.
14. Жаботинская С.А. Концептуальная метафора: процедура анализа для множественных данных / С.А. Жаботинская // Актуальні проблеми менталінгвістики : [збірник статей за матеріалами VII Міжнар. конф.], (Черкаси, Черкас. нац. ун-т імені Б. Хмельницького, 28–29 квітня 2011 р.). – Черкаси : Ант, 2011. – С. 3–6.
15. Жаботинская С.А. Онтологии для словарей-тезаурусов: лингвокогнитивный подход / С.А. Жаботинська // Філологічні трактати. – 2009. – Том 1. – С. 71–97.
16. Златоуст Иоанн, свт., архиепископ Константинопольский. Творения [Электронный ресурс] / Иоанн Златоуст. – Режим доступа : <http://www.ispovednik.ru/zlatoust/index.htm>.
17. Зубко О.В. Репрезентация концепта "грех" в немецком и русском паремиологических фондах / О.В. Зубко // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и коммуникативной деятельности ; [сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского]. – Волгоград : Колледж, 2009. – С. 79–84.
18. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология: учеб. пособие к спецкурсу / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Парадигма, 2009. – 116 с.
19. Карсавин Л.П. SALIGIA или Весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах / Л.П. Карсавин. – Петроград : Издание Трудовой Артели Профессоров и Педагогов «Наука и школа», 1919. – 75 с.
20. Карыпкина Ю.Н. Языковое представление эсхатологических мотивов в англо-саксонской прозе X–XI вв.: лингвоэтнический аспект : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Карыпкина Юлия Николаевна. – Иркутск, 2003. – 185 с.
21. Козина Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех»: на материале лексических, фразеологических и паремических единиц : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Козина Наталья Олеговна. – Иваново, 2003. – 144 с.
22. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 248 с.

23. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
24. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор ; [пер. С.А. Исаева]. – М. : Республика, 1993. – 382 с.
25. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М. : СЭИ, 1991. – 288 с.
26. Малевинский С.О. Семантические поля порока и добродетели в языковом сознании современной студенческой молодежи : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / С.О. Малевинский. – Краснодар, 2006. – 35 с.
27. Нибур Райнхольд. Опыт интерпретации христианской этики / Райнхольд Нибур // Христос и культура: Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура / Ричард Нибур, Райнхольд Нибур. – М. : Юристъ, 1996. – 575 с.
28. Ницше Ф. Веселая наука / Ф. Ницше // Сочинения в 2 т. – Т. 1. Литературные памятники – М. : Мысль, 1990. – С. 491–719.
29. Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») // Логический анализ языка: Языки этики ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 167–177.
30. Полина А.В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV – XX вв. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Полина Анна Владимировна. – Харьков, 2004. – 205 с.
31. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8–69.
32. Семухина Е.А. Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Семухина Елена Александровна. – Саратов, 2008. – 215 с.
33. Силецкий В.И. Терминология смертных грехов в культуре позднего средневековья и Возрождения / В.И. Силецкий // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 130–138.
34. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
35. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев. – М. : Азбука-классика, 2010. – 384 с.
36. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
37. Толстая С.М. Грех в свете славянской мифологии / С.М. Толстая // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. – М. : Пробел-2000, 2000. – С. 9–44.

38. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П.А. Флоренский. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 640 с.
39. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 511 с.
40. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. – М. : АСТ: Олимп, 1997. – 446 с.
41. Фромм Э. Грех и прощение [Электронный ресурс] / Э. Фромм // Иметь или быть / Э. Фромм ; [пер. Н. Войскунской и др.]. – М. : АСТ, 2000. – Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/fromm02/index.htm>.
42. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас ; [пер. с нем.] – М. : Издательство «Весь Мир», 2002. – 144 с.
43. Шабалин И.В. Дух: онто-гносеологическая интерпретация созидательных и разрушительных тенденций : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук : спец. 09.00.01 «Онтология и теория познания» / И.В. Шабалин. – Челябинск, 2010. – 23 с.
44. Шваб Т.О. Еволюція концепту «героїзм» в англійській мові (на матеріалі текстів давньоанглійського, середньоанглійського та ранньоніовоанглійського періодів) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Шваб Тетяна Олегівна. – К. : Київ. нац. ун-т імені Тараса Шевченка, 2006. – 254 с.
45. Шевченко І.С. Дискурс як мисленнєво-комунікативна діяльність / І.С. Шевченко, О.І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен ; під загальн. ред. І.С. Шевченко. – Харків : Константа, 2005. – С. 21–29.
46. Шевченко І.С. Історичні лінгвістичні студії: когнітивний вектор / І.С. Шевченко // Науковий вісник ВНУ ім. Лесі Українки. Серія «Філологічні науки. Мовознавство». – ВНУ ім. Лесі Українки, 2011. – № 3. – Ч. 1. – С. 200–204.
47. Этика: Энциклопедический словарь / [под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова]. – М. : Гардарика, 2001. – 671 с.
48. Юнг К.Г. Очерки по психологи бессознательного / К.Г. Юнг. – М. : Когито-Центр, 2010. – 352 с.
49. Якушкина Е.И. Традиционная философия греха в свете южнославянских диалектных данных (опыт семантической реконструкции) / Е.И. Якушкина // Славянский вестник. Вып. 2. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 432–440.
50. Augustine of Hippo, St. On Grace and Free Will [Электронный ресурс] / St. Augustine of Hippo ; [translated by Peter Holmes and Robert Ernest Wallis ; revised by Benjamin B. Warfield ; edited by Philip Schaff]. – Buffalo, NY : Christian Literature Publishing Co., 1887. – Режим доступа : <http://www.newadvent.org/fathers/1510.htm>.
51. Barcelona A. Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / A. Barcelona. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – 356 p.

52. Barnden John A. Metaphor and Metonymy: Making Their Connections More Slippery / John A. Barnden // *Cognitive Linguistics*. – 2010. – Vol. 21. – Issue 1. – P. 1–34.
53. Croft W. The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies / W. Croft // *Cognitive Linguistics: Basic Readings*; ed. D. Geeraerts. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 269–303.
54. Dirven R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / R. Dirven, R. Pörings. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. – 605 p.
55. Fauconnier G. Mental Spaces / G. Fauconnier // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*; ed. by D. Geeraerts, H. Cuycckens. – USA : Oxford University Press, 2007. – P. 351–377.
56. Gregory of Nyssa, St. On the Making of Man [Электронный ресурс] / St. Gregory of Nyssa; [translated by H.A. Wilson; edited by Philip Schaff and Henry Wace]. – Buffalo, NY : Christian Literature Publishing Co., 1893. – Режим доступа : <http://www.newadvent.org/fathers/2914.htm>.
57. Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction / Z. Kövecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 285 p.
58. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : New York Basic Books, 1999. – 624 p.
59. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar / R.W. Langacker. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2000. – 430 p.
60. Origen. De Principiis [Электронный ресурс] / Origen; [translated by Frederick Crombie; edited by Alexander Roberts, James Donaldson, A. Cleveland Coxe]. – Buffalo, NY : Christian Literature Publishing Co., 1885. – Режим доступа : <http://www.newadvent.org/fathers/0412.htm>.
61. Sebeok T.A. Encyclopedic Dictionary of Semiotics / T.A. Sebeok. – Berlin : Communications, 1986. – 452 p.
62. Thomas Aquinas, St. The Summa Theologica [Электронный ресурс] / St. Thomas Aquinas; [Literally translated by Fathers of the English Dominican Province]; Online Edition Copyright by Kevin Knight, 2008. – Режим доступа : <http://www.newadvent.org/summa/index.html>.
63. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals / A. Wierzbicka. – Oxford [England]; New York : Oxford University Press, 1996. – 500 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Beecher Stowe H. Uncle Tom's Cabin / H. Beecher Stowe. – N.Y. : CreateSpace, 2011. – 400 p.
2. Burroughs E.R. Tarzan the Untamed / E.R. Burroughs. – N.Y. : BookSurge Classics, 2004. – 428 p.
3. Churchill W. The Crossing / W. Churchill. – N.Y. : Literature House, 1969. – 598 p.
4. Collins W. The Moonstone / W. Collins. – London : Penguin Books, 1994. – 464 p.
5. Collins W. The Queen of Hearts / W. Collins. – New York: Collier, 1900. – 608 p.

6. Conrad J. An Outcast of the Islands / J. Conrad. – USA : Oxford University Press, 2009. – 352 p.
7. Defoe D. Moll Flanders / D. Defoe. – London : Campbell, 1991. – 338 p.
8. Dickens Ch. Pictures from Italy / Ch. Dickens. – L., N.Y. : Penguin Classics, 1998. – 272 p.
9. Dreiser Th. The Financier / Th. Dreiser. – N.Y. : CreateSpace, 2008. – 300 p.
10. Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling / H. Fielding. – London : David Campbell Publishers Ltd., 1995. – 863 p.
11. Grahame K. The Golden Age / K. Grahame. – N.Y. : Common Reader, 2000. – 174 p.
12. Joyce J. Finnegans Wake / J. Joyce. – L., N.Y. : Penguin Classics, 1999. – 672 p.
13. Joyce J. Ulysses / J. Joyce. – L., N.Y. : Modern Library, 1992. – 816 p.
14. Rider Haggard H. Allan Quatermain: the Zulu Trilogy: Marie, Child of Storm, & Finished / H. Rider Haggard. – N.Y. : Wilder Publications, 2008. – 520 p.
15. Rider Haggard H. When the World Shook / H. Rider Haggard. – N.Y. : Kessinger Publishing LLC, 2010. – 306 p.
16. Scott W. Kenilworth / W. Scott. – L., N.Y. : Penguin Classics, 1999. – 528 p.
17. Shakespeare W. The Complete Works / W. Shakespeare. – Chatham : Wordsworth, 1999. – 1263p.
18. Stevenson R.L. Plays of William E. Henley and R.L. Stevenson / William E. Henley, R.L. Stevenson. – N.Y. : General Books LLC, 2010. – 134 p.
19. Stevenson R.L. The Novels and Tales of Robert Louis Stevenson: Prince Otto. Island Nights' Entertainment. Father Damien / R.L. Stevenson. – L. : Nabu Press, 2010. – 442 p.
20. Thackeray W. Vanity Fair / W. Thackeray. – L., N.Y. : Penguin Classics, 2002. – 912 p.
21. The British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
22. The Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/coca/>.
23. The Corpus of Historical American English (COHA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/coha/>.
24. The Time Magazine Corpus of American English (TMC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/time/>.
25. Trollope A. North America / A. Trollope. – N.Y. : ReadHowYouWant, 2008. – 532 p.
26. Wilde O. A Woman of No Importance / O. Wilde. – L. : ValdeBooks, 2009. – 98 p.
27. Wilde O. Intentions / O. Wilde. – N.Y. : General Books LLC, 2010. – 98 p.
28. Wilde O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – London : Penguin Books, 1994. – 256 p.

Ольга Владимировна Ваховская, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого, e-mail: vakhovskaya_olga@rambler.ru

УДК 811.112

АНТИКОНЦЕПТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПАРТОНИМИЧЕСКОЕ, СТИГМАТИЧЕСКОЕ, ЭССЕНЦИАЛЬНОЕ

А.Н. Приходько (Днепропетровск, Украина)

А.Н. Приходько. Антиконтцепт как лингвокультурный феномен: партонимическое, стигматическое, эссенциальное. В статье рассматриваются концептуальные единицы лингвокультуры, семантика которых задается идеей антиценности. Выделяются и описываются партонимические, стигматические и эссенциальные антиконцепты с последующим их анализом на предмет соотносительности с положительно маркированным ментальным противочленом и/или с некоторой вышестоящей интегральной идеей. Далее идут размышления о степени негативной интерпретации антиконцептов в разных лингвокультурах.

Ключевые слова: лингво- и этнокультура, концепт, антиконцепт, мезоконцепт, дуальная монада, этнономинация, дискурс.

А.М. Приходько. Антиконтцепт як лінгвокультурний феномен: партонімічне, стигматичне, есенціальне. У статті розглядаються концептуальні одиниці лінгвокультури, семантика яких зумовлюється ідеєю антицінності. Виокремлюються й описуються партонімічні, стигматичні та есенціальні антиконцепти з наступним аналізом на предмет співвіднесеності з їхнім позитивно маркованим протичленом і/або з деякою вище зазначеною інтегральною ідеєю. Далі йдуть міркування про ступінь негативної інтерпретації антиконцептів у різних лінгвокультурах.

Ключові слова: лінгво- и етнокультура, концепт, антиконцепт, мезоконцепт, дуальна монада, етнономіація, дискурс.

A.N. Prykhodko. Anticoncept as lingvocultural phenomenon: partonymy, stigmata, essentiality. This article deals with conceptual linguocultural units, which semantics includes the idea of anti-value. Partonimic, stigmatic and essential anticoncepts with their further analysis concerning correlation with positively marked mental antimember or superior integral idea are discussed in this article. Ideas about negative interpretation of anticoncepts in different linguocultures are viewed.

Keywords: linguistic and ethnic culture, concept, anticoncept, mezoconcept, dual monad, ethnonomination, discourse.

1. Введение. Объектом внимания настоящей статьи выступает концепт – ментальный феномен, понятийное начало которого, проходя через сито этнопсихологической оценки, органично соединяется с лингвокультурным, в результате чего предстает как валоризованное понятие лингво-психо-социо-

культурного порядка. В основном эта мысль относится к концептам, наделяемым положительной оценкой (ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, СЧАСТЬЕ, ДОБРО, РОДИНА, СЛАВА, ГЕРОЙ и пр.). Но поскольку рядом существует ряд ментальных единиц с отрицательной оценкой, именуемых почему-то тоже концептами (ср. ВАМПИР [Онищук 2006], ГРЕХ [Ваховська 2010; Козина 2007], ДУРАК [Бусурина 2004], ДЬЯВОЛ [Передриенко 2006], ЗАВИСТЬ [Ермакова 2000], ЛИЦЕМЕРИЕ [Храмова 2010], ЛОЖЬ [Морозова 2006], ВОРОВСТВО [Павлова 2009], ОСКОРБЛЕНИЕ [Кусов], ПОЗОР [Русина 2008], ПРЕСТУПЛЕНИЕ [Данилов 2005], ПРЕСТУПНИК [Горобець 2007], СМЕРТЬ [Грабарова 2001], СТРАХ [Борисов 2005; Заикина 2000], СТЫД [Малахова 2009], ТЕРРОРИЗМ [Жулавська 2011; Семенчук 2010], ТОСКА [Димитрова 2001], ЗАВИСТЬ [Несветаилова 2010] и др.), есть основания обратиться не только к уточнению их лингвистического статусу, но и к их осмыслению на предмет характера валоризации, степени универсальности, типологической гомогенности, а также к определению алгоритма их соотношенности с собственно концептами. Из этого вытекает основная цель работы – выяснение лингвистического статуса антиконцепта.

Как известно, дискретизация концептов под углом зрения аксиологической семантики допускает их противопоставление по принципу позитива и негатива, поскольку концептуальный корпус языка формируется не только ценностными ориентирами со знаком плюс, но и со знаком минус, что наблюдается в различных областях знания, где постоянно возникают понятия, фиксируемые, например, с помощью суффиксоида -анти: *мир – антимир, материя – антиматерия, герой – антигерой, радар – антирадар, циклон – антициклон, ген – антиген, семит – антисемит, фашист – антифашист, симпатия – антипатия* и др.

Концепт и антиконцепт противопоставлены друг другу на основе оценки: первый представляет собой ментальную единицу, отражающую определенную ценность для лингво- и этнокультуры, вторая – ментальную единицу, отражающую определенную антиценность. При этом оба феномена имеют не только существенные различия, но и точки соприкосновения.

Во-первых, ценность – важность, значимость, полезность чего-либо – формируется на основе субъективной оценки конкретных свойств объекта, вовлеченных в сферу общественного бытия человека (человек в них заинтересован или испытывает потребность), ср.: "ценность – свойство объекта удовлетворять или препятствовать ("антиценность") удовлетворению какой-либо потребности субъекта" [Воркачев 2011: 69].

Во-вторых, и ценность, и антиценность изменчивы в пространстве и времени, а потому способны варьироваться в зависимости от типа оценки (общей, гедонической, психологической, эстетической, этической, утилитарной). Поэтому в отдельных случаях ценность и антиценность способны меняться местами, а точнее – менять свою полюсность (от эпохи к эпохе, от культуры к культуре или от одной социальной страты к другой), но при этом

в дискурсивной деятельности антиценности и, соответственно, антиконцепты оказываются особо акцентуированными.

В-третьих, концепт и антиконцепт чаще всего находятся друг с другом в отношениях антипода, позиционируясь на аксиологической шкале на противоположных векторах, а потому выступают по отношению друг к другу как "противовес", "противочлен", "контрагент", "коррелят" (ср.: концепт – позитивный коррелят антиконцепта; антиконцепт – негативный коррелят концепта).

В-четвертых, типологически оба феномена могут быть универсальными, этноспецифическими и индивидуальными ("идиоконцепт").

В-пятых, и концепт, и антиконцепт отражают диалектику единства и борьбы противоположностей, а именно мысль о том, что позитив и негатив сосуществуют, отражая череду событий, в которых они перманентно порождают и сменяют друг друга и тем самым как бы самоорганизуются. Эта истина представлена хоть и в смеховом, но в весьма наглядном виде на рисунках 1 и 2, которые предлагают визуально-идеализированную репрезентацию концепта ПОРЯДОК (ментальная единица со знаком "плюс") и антиконцепта БЕСПОРЯДОК (ментальная единица со знаком "минус"). Мысль о некотором третьем – ХАОСМОСЕ – никогда не была чужда обыденному сознанию на разных этапах его биовитального развития (по-видимому, рис. 1 применим к идеализированному сознанию ребенка, а рис. 2 – к карнавальным фантазиям взрослого).

Рис. 1

Поиск интегрального и дифференциального между концептами и антиконцептами может и должен быть продолжен. На сегодняшний день известно, что в одних случаях антиконцепт трактуется как антоним имени другого концепта [Воркачев 2007: 51; Пономарева 2008: 19; Приходько 2008:

100], а в других – как "семантический противочлен концепта" [Воркачев 2011: 71]. Несколько иной размышляет Ю.С. Степанов, считая его "концептом, противопоставленным какому-то другому концепту": если концепт является формой выражения содержания, то антиконцепт – формой несогласия с ним, формой протеста [Степанов 2007: 20–21]. Он отмечает, что антиконцепт не всегда несет в себе нечто обратное хорошему.

Рис. 2

В нашем понимании *антиконцепт* являет собой лингво-психо-социокультурный феномен, объективированный языковыми средствами, который отражает определенную антиценность наднационального, национального или индивидуально-авторского порядка. При этом антиценность может быть противопоставлена ценности, и тогда обе они оказываются репрезентантами некоторой вышестоящей идеи, но может быть и не противопоставлена, а существовать как бы сама по себе, вне такой вышестоящей идеи.

2. **О типологии антиконцептов.** Обращение к проблематике противопоставленности концептов логично потому, что она выводит исследовательскую мысль на несколько иной уровень обобщения – на закон единства и борьбы противоположностей, с одной стороны, и на проблему смены социодискурсивных формаций, – с другой. Но есть еще и третья сторона – т. н. "диссидентство в семантике", имеющее своей целью сделать более прозрачным знак путем его отрицания [Воробьева 2012]. Такое обращение сопряжено с выделением в объекте анализа, по крайней мере, двух предметных сфер: антиконцепт как часть некоторого целого и антиконцепт как некая автономная сущность. В зависимости от степени выраженности этих параметров можно различать партонимические (меронимические), стигматические и эссенциальные антиконцепты.

2.1. *Партонимический антиконцепт* отражает идею единобытия с другим концептом, с которым он образует своеобразную дуальную монаду, вписываясь вместе с ним в фундаментальный принцип мироустройства, предполагающий единение противоположностей со знаками "плюс" и "минус" – например, доброго и злого, темного и светлого, возвышенного и низменного, мужского и женского.

Исходным здесь должно быть понимание того факта, что концепт и антиконцепт – это не всегда антонимическая пара, а некий тесно сопряженный ментальный конструкт, восходящий к обобщающей идее – *мезоконцепту*, в котором присутствуют оба начала, в силу чего он задает разнонаправленные векторы ценностных ориентиров. Мезоконцепт – это некоторая вышестоящая идея, некая надсистема-контролер, включающая в себя ценность и ее антипод (ср. ГЕРОЙ и ТРУС, ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ). Но, например, МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА или СТАТИКА и ДИНАМИКА не могут быть в отношениях концепта и антиконцепта (кто из них кто или что и них что?), как не могут быть в таких отношениях *антиномия*, *антифриз*, *антипод*, *антиципация*, *антибиотик*. Если концепт – это ценность со знаком плюс, а антиконцепт – ценность со знаком минус ("антиценность"), то мезоконцепт – инстанция, в которую они оба вовлекаются на равных долях. Речь идет о некотором третьем противочлене, включающем в себя черты и концепта, и антиконцепта и являющимся точкой отсчета, своеобразным *tertium comparationis*, по которому сверяют концепт и антиконцепт.

Анализируя концепт MAGIC и антиконцепт GLAMOUR, Т.Б. Ларина принимает за точку отсчета мезоконцепт-инвариант ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ (в ее терминологии "метаконцепт"). Главным критерием идентификации концепта и антиконцепта она считает факт внешней включённости базовых признаков концептов в одни и те же понятийные, образные и ценностные сферы при одновременной внутренней оппозитивности этих признаков [Ларина 2011: 9]. Нельзя не согласиться с М.Б. Лариной и в более частных, но не менее важных критериях обозначенной корреляции, при которых:

- мезоконцепт – концептополе, внутри которого концепт и антиконцепт маркируют полюса "+" и "-" (ЛЮБОВЬ – НЕНАВИСТЬ = КП "состояние человека", МИР – ВОЙНА = КП "общественные отношения"), ХОЗЯИН – РАБ (КП "социальный статус");

- мезоконцепт – определенная идея, в которой осуществляется противопоставленность по ценностным шкалам "хорошо – плохо" (ДРУГ – ВРАГ, ГЕРОЙ – ТРУС), "красиво – некрасиво" (КРАСОТА – УРОДСТВО), "истинно – ложно" (ПРАВДА – ЛОЖЬ), "внутреннее – внешнее" (ТЕРПИМОСТЬ – НЕТЕРПИМОСТЬ, АЛЬТРУИЗМ – ЭГОИЗМ), "сакральное – профанное" (ДУША – ТЕЛО);

- мезоконцепт – некая мифопоэтическая инстанция, в которой имеет место контрарная противопоставленность темных и светлых сил (БОГ – ДЬЯВОЛ, ВОЛШЕБНИК – КОЛДУН, ВЕДЬМА – ФЕЯ, БАБА ЯГА – ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ / ПРЕМУДРАЯ, БАРМАЛЕЙ – АЙБОЛИТ и пр.).

В рамки обозначенных критериев четко вписывается и тот факт, что негатив и позитив сосуществуют в виде антиномий / диад (ДОБРО – ЗЛО, АЛЬТРУИЗМ – ЭГОИЗМ, ГОРДОСТЬ – СТЫД, ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ – НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, СЛАВА – ПОЗОР, ВЕЛИКОДУШИЕ – ЗАВИСТЬ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, СВЕТ – ТЬМА, РАЙ – АД, ДРУГ – ВРАГ, ГЕРОЙ – ТРУС и т.д., что дает право говорить о бинарности и противопоставленности как о двух основных принципах упорядочения концептокорпуса. В таких оппозициях происходит распределение векторной семантики: один ее член предполагает отрицание того, что обозначает второй.

Говоря о диаде ДОБРО – ЗЛО, С.Г. Воркачев подчеркивает, что они являются результатом гипостазирования аксиологической оценки [Воркачев 2011: 72]. В этом как раз и проявляется склонность некоторых концептов объективироваться через рядоположенные единицы: нельзя понять ДОБРО без ЗЛА, МИР без ВОЙНЫ, а ПОРЯДОК без БЕСПОРЯДКА. Последняя диада, наглядно изображенная на рис. 1 и 2 в виде крайнего, гипертрофированного представления об упорядочении неупорядочиваемого, отражает идею *дуальной монады*: порядок в беспорядке и/или беспорядок в порядке, т.е. некий постмодернистский ХАОСМОС. Дуальные монады – это особый случай совмещения несовместимого: некая общая когнитивно-ассоциативная область полностью поглощает понятийно-валоративные сферы двух разновекторных концептов. Именно такие совмещения позволяют языку вырабатывать различные парадоксальные фигуры речи – метафоры, оксюмороны, синестезии. Рассуждая о концептуальных диадах, "сжатых" в фигурах типа "упорядоченный хаос", "живое неживое", "светлая тьма" (ср. "существо, созданное из лоскутьев Света, сшитых нитями Тьмы"), А.С. Колесник говорит об объединении неких взаимно противоположных сущностей, вызванных амбивалентным характером концептуальной аксиоматики [Колесник 2012: 12].

Наличие в лингвокультурах бинарно организованных концептуальных пар натолкнула С.Г. Воркачева на мысль о том, что неудачная во многих отношениях (особенно в плане перевода на другие языки) номинация "концепт" может быть заменена термином *идея*. Он пишет: "Идея – диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник её развития заключается в присутствии отрицающих её категориальных противоречий: вместе с "тезисом" в ней содержится и "антитезис", вместе с "концептом" и "антиконцепт". Идея успешности судьбы (счастья), например, неотделима от несчастья, справедливости – от несправедливости, патриотизма (национализма) – от космополитизма" [Воркачев 2007: 53]. Поскольку термин "идея" все-таки является занятым в других отраслях гуманитаристики, возможной представляется его более удачная модификация в виде компромиссного термина "*концепт-идея*" [Путий 2011].

Антиконцепт-партоним является отрицательно "заряженной" частью определенной концептуальной диады, в которой он противостоит некоторой положительно "заряженной" части – собственно концепту. Отражая

оппозитивные представления об общей конфигурации мира в его статике и динамике, партонимически соотнесенные концепт и антиконцепт выступают антиподами, противопоставленными друг другу в рамках общей для них идеи, воплощаемой в мезоконцепте – третьем противочлене, существующем в языковом сознании в виде некоторой вышестоящей идеи. Таким образом выстраиваемая система "концепт – антиконцепт – мезоконцепт" в определенном смысле отражает гегелевскую триаду "тезис – антитезис – синтез", которая постулирует диалектический закон единства и борьбы противоположностей: за троичностью скрывается бинарность, а за бинарностью – троичность.

2.2. *Стигматические антиконцепты* (концепт-клеймо, концепт-ярлык) связаны с антропофактором, с бытованием в лингвокультуре ментальных единиц, не имеющих видимой привязки к какому-либо положительно заряженному концепту-корреляту. Подобно своим партонимическим сородичам, они также отражают двойственный характер окружающей действительности – реальной или вымышленной, как в "Песни антиподов" В. Высоцкого:

*Мы – антиподы, мы здесь живем,
У нас тут анти-анти-анти-антипаты.
Стоим на пятках твердо мы и на своем,
Кто не на пятках, те антипяты.
Но почему-то, прилетая впопыхах,
На головах стоят разини и растяпы,
И даже пробуют ходить на головах,
Антиребята, антимамы, антипаты.*

Чаще всего негативными ментальными коннотациями наделяются **этнокультурные антропономинации**, в которых актуализируются такие далеко не лучшие человеческие качества, как невежество, хамство, корыстолюбие, аморальность, слабоумие, пьянство, лень, криминал и др. Ими наделяются люди противоположных свойств, вкусов или убеждений. Ср.:

- рус. ЧИНОВНИК, ДУРАК, ПОДХАЛИМ, ОТМОРОЗОК, РАСТЯПА, ДЕБОШИР, БОЛВАН, МОЛОКОСОС, СТРАХОЛЮДИНА, ЛОВЕЛАС, КРЕТИН, НЕУЧ, НЕВЕЖА, ПОВЕСА, ТУПИЦА, БЕЗДАРЬ, ЛИЦЕДЕЙ, ПРОХИНДЕЙ, ЗЛОДЕЙ, НЕГОДЯЙ, МЕРЗАВЕЦ, ПРОСТОФИЛЯ, УРОД, СТУКАЧ, ПРЕДАТЕЛЬ, РАСТЯПА, ЖУЛИК, ШУЛЕР, МОШЕННИК, ВОР, СТЕРВЕЦ, БИРЮК, ЖИРТРЕСТ, ВЕРСТА КОЛОМЕНСКАЯ, НЕЧИСТЬ, ИЗГОЙ, СЛЮНТЯЙ, КИКИМОРА, ШАЛОПАЙ, ХАНЖА, СТЯЖАТЕЛЬ, ВЕТРОГОН, ПЛУТ, АНТИХРИСТ, МИРОЕД, КРОВОПИЙЦА, ХАЛЯВЩИК, ПУСТЕЛЬГА, ПРОФАН, БЕЗДЕЛЬНИК, ТУНЕЯДЕЦ, ПРОХОДИМЕЦ, ИЗВРАЩЕНЕЦ, УБЛЮДОК, АЛКОГОЛИК, ШЛЮХА, СТЕРВА, ЧУДОВИЩЕ, МОНСТР, ПУГАЛО, ДЕБИЛ и др.;

- англ. TOADY, LICKSPITTLE, BOOTLICKER, SYCOPHAN, DOLT, LAMEBRAIN, CHUMP, DUNCE, FOOL, NINCOMPOOP, KNUCKLEHEAD, DIMWIT, NERD, NUMBSKULL, THICKHEAD, MUDDLER, DUNDERHEAD, BUNGLER, ROWDY, DEBAUCHEE, BLOCKHEAD, DIMWIT, SUCKER, SCARECROW, LOVELACE, WOMANIZER, BOOR, CHURL, BOTCHER, HYPOCRITE,

DISSEMBLER, ROGUE, SCAPEGRACE, SWINDLER, DODGER, VILLAIN, MISCREANT, MALEFACTOR, STINKER, SIMPLETON, TRAITOR, BETRAYER, TURNCOAT, BLUNDERER, SHARPER, TRICKSTER, THIEF, PILFERER, LONER, RIFFRAFF, SCUM, VERMIN, DITHERER, MILKSOP, MOLLYCODDLE, FRIGHT, OLD HAG, GOOD-FOR-NOTHING, SCAPEGRACE, LOAFER, GRABBER, FRIVOLOUS, CHEAT, SWINDLER, KNAVE, BLACKMAILER, FREELoader, MOOCHER, LAYMAN, RASCAL, BASTARD, TOPER, TIPPLER, DRUNKARD, WHORE, SLAG, BROAD, BITCH, MONSTER, SCARECROW, MORON и др.;

- нем. ALKI, AMOKLÄUFER, ARSCH, DIEB, DRECK, DUMMKOPF, FEIGLING, GANGSTER, GAUNER, GESINDEL, HALUNKE, HANSWURST, HAUDEGEN, HENKER, BLÖDE KUH, HURE, HURENBOCK, KRIMINELLER, MIESEPETER, MIST, MISTVIEH, MÖRDER, NAZI, NICHTSNUTZ, NUTTE, POP(P)EL, RAUFBOLD, SAUEREI / SCHWEINEREI, SAUKERL / SCHEISSKERL / MISTKERL, STINKER, VERLOGENER SCHWEINEHUND, SCHARLATAN, SCHLAMASSEL, SCHLAMPE, SCHUCHTEL, SCHUFT, STASI, TROTEL, VERBRECHER, VERGEWALTIGER, VERRÜCKTER, (VOLL)IDIOT и др.

Стигматические ментальные единицы концентрируются на человеке внешнем и человеке внутреннем с явным креном в сторону последнего, так или иначе затрагивая нарушителей основных заповедей (Не убий! Не укради! Не прелюбодействуй и пр.). Сам процесс объективации человека порочного во всей палитре его слабостей, изъянов и недостатков предполагает деление концептов на три рубрики – мужские, женские и гендерно индифферентные. Вероятно, положительным противовесом таких единиц можно признать некий обобщенный образ, усредненный типаж человека правильного / праведного. Однако для выстроенной оппозиции "человек праведный – человек порочный" вряд ли возможно подобрать соответствующий мезоконцепт, который, вобрав в себя оба противочлена, стал бы для них некоторой третьей точкой отсчета.

Другой разновидностью стигматических антиконцептов являются те, что воплощены в *этнономинациях* – экзо- и эндоэтнонимах. Первые отражают стереотипные представления одних народов в глазах других (ПРУССАК, КАЦАП, МАКАРОННИК, OSTFRIESE (нем. "чукча"), SCHLAWINE (нем. "пройдоха"), YANKEE (прозвище американцев), ARKIE (прозвище австралийцев), которые на поверку оказываются именами с отрицательной оценкой. Вторые являются внутриэтническими названиями одной части народа другой (нем. WESSI и OSSI, укр. МОСКАЛЬ и ХОХОЛ). Но все они имеют свой эксплицитно выраженный положительный (нейтральный?) коррелят в виде, по крайней мере, официальных этнономинаций. Аналогичное касается и стереотипизации образа страны – как своим, так и другими народами (этнотопонимы).

В определенном смысле стигматический антиконцепт актуализируется там, где возникают определенные противоположности в антропосфере – например, применительно к людям с иными свойствами, взглядами, убеждениями, вкусами, т.е. с отклонениями от усредненного эталона. Наивное языковое сознание, вырабатывая номинации для маркирования разных сторон человека неправильного, ориентируется на некоторый обобщенный идеал человека правильного, мало заботясь о вербальной диверсификации его ликов, образов,

типов. Отсюда явная количественная и качественная асимметрия в средствах вербальной фиксации двух главных ипостасей человека: будучи консервативно скупым при вербальной объективации человека правильного, это сознание оказывается весьма изобретательным в изображении человека неправильного. При этом "разбег" использования стигматических антиконцептов происходит в амплитуде от укоризненных до откровенно обценных речевых актов.

Крайним случаем стигматического использования лингвокультурного кода являются *обценные антиконцепты*, объективируемые своеобразными стилистически маркированными (вплоть до невхождения в словари) лексическими единицами, связанными с нарушением табу. Как правило, в языке обценизмы заданы списком, ядро которого составляют несколько общеизвестных корней, а периферия оказывается размытой [Левин 1998: 809]. Использование таких концептов в дискурсивных практиках является одновременно и поступком, и действием, что придает соответствующему высказыванию характер перформативности.

В стигматическом пространстве лингвокультуры обценные единицы бытуют устойчиво и прочно, что обусловлено преемственностью определенных социальных конвенций. Но большая часть "стигматов" такой прочностью не обладает. Оперативно реагируя на потребности дня, лингвокультурное сознание предлагает готовые упаковки для вновь появляющихся смыслов (НОВЫЙ РУССКИЙ, КИДАЛА, ОТМОРОЗОК, МАЖОР, РЕЙДЕР, ЛИМИТА) или для смыслов, которые следует "подретушировать" (ср. англ. новояз "economically disadvantaged" вместо POOR, "excluded from the normal circles of economic activity" вместо VERY POOR, "substandard housing" вместо SLUMS, "horizontally challenged people" вместо FAT PEOPLE [Никонов 2008: 201]). Но смягчение концепта совсем не означает его изъятие из социокультурного оборота. Изъятия осуществляется гораздо медленнее, чем включение. Вероятно, этим объясняется тот факт, что язык какое-то время по инерции сохраняет концепты, актуальность которых утрачена для лингвокультуры (АФРОНТ, АСПИД, СУПОСТАТ, ФАНФАРОН, САТРАП).

2.3. *Эссенциальные антиконцепты*, в отличие от стигматических, бытуют не в антропосфере, а в "фактосфере", не теряя при этом своей значимости для жизненного мира человека. К ним относятся как абстрактные (ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, АВОСЬ, ДОСАДА, ХАМСТВО, ПОДЛОСТЬ), так и сущности, сфокусированные на некоторой конкретике (ОТКАТ, ДЕРИБАН, ВЗЯТКА, КОРРУПЦИЯ). Аналогично в американской (INTERFERENCE, OPPRESS, SEXISM, VIOLATION, REDNECK, THEFT, BRIBERY, WAR, CRIMINAL, SEXUAL HARRASSMENT [Харитоновна 2008]), в немецкой (CHAOS, UNPÜNKTLICHKEIT, MIBHANDLUNG), во французской (CITÉ, VIOLENCE, CHÔMAGE, FRACTURE SOCIALE) ЯКМ. Однозначно отрицательными в большинстве лингвокультур являются ДЕПРЕССИЯ, СТРЕСС, НЕТЕРПИМОСТЬ, а также разного рода ФОБИИ. Подобно стигматическим, эссенциальные антиконцепты не имеют своего прямого противочлена с положительной оценкой.

В контексте наличия / отсутствия положительного противочлена представляется противоречивым понимание антиконцепта Е.И. Гуреевой, которая считает его результатом особого развития исходного концепта, своего рода усложненным концептом, не всегда прямо противопоставленным исходному, в содержании которого отрицаются (снимаются) некоторые значимые концептуальные признаки (при сохранении других) и замещаются новыми [Гуреева 2007: 18]. Во-первых, не всегда можно найти "исходный" концепт и не всегда можно считать его имплицитным (что может быть исходным для ТОСКИ или ДОСАДЫ?). Во-вторых, непонятно, как одни концептуальные признаки могут сниматься и замещаться другими (что снято у ВЗЯТКИ, у ХАОСА, у ЧИНОВНИКА?). Если для амер. POLITICAL INCORRECTNESS существует положительный контрконцепт POLITICAL CORRECTNESS, для нем. UNPÜNKTLICHKEIT – PÜNKTLICHKEIT, а для рус. БЕДНОСТЬ – БОГАТСТВО, то для АВОСЬ или ДЕРИБАНА весьма трудно представить себе какой-либо позитивный противочлен.

Видимое или мнимое отсутствие положительного противовеса является определяющей чертой стигматических и эссенциальных концептов. Однако их четко выраженный отрицательно-оценочный окрас не исключает существования некоего полюса, который, по-видимому, входит в сферу "норма". Так, положительно маркированным членом оппозиции, условно обозначенной как "Z = ХАМ", возможно, выступает идея о человеке (Z), поведение которого не выходит за рамки установленной социальной нормы.

Вероятно, в зависимости от наличия или отсутствия положительного противочлена целесообразно говорить об антиконцептах с эксплицитным, имплицитным и лакунарным контрагентом. Так, партономические антиконцепты имеют эксплицированный положительный коррелят, стигматические чаще всего такого коррелята не имеют (или он скрыт от непосредственного наблюдения), тогда как эссенциальные могут частично соотноситься с имплицитным положительным противочленом, а частично не иметь его вообще.

3. Степень отрицательной интерпретации антиконцепта представляет особую проблему. Она может быть индивидуальной и коллективной, этноспецифической и наднациональной, однозначной и неоднозначной, высокой и низкой по силе и т.д.

Некоторые антиконцепты имеют общекультурную основу (АГРЕССИЯ, ТЕРРОРИЗМ, НЕТЕРПИМОСТЬ (ср. англ. intolerance, фр. intolérance, нем. Intoleranz, исп. Intolerancia). При этом один и тот же мультикультурный концепт может нести положительный заряд в одном языке (укр. ІНОЗЕМЕЦЬ, рус. ИНОСТРАНЦЕ) и отрицательный в другом (брит. – FOREIGNER, фр. LES ÉTRANGERS /non régularisés/, исп. EXTRANJERO), как, впрочем, и быть аксиологически нейтральным в третьем (нем. AUSLÄNDER). Наоборот, концепт COURT является положительным в американской картине мира, а его русский и украинский эквиваленты (СУД) – отрицательным, а также положит. в англ. AMBITIOUS

'амбициозный, тот кто стремиться к профессиональному росту' является отрицательным в нашей культуре. Или другое: ДОНОС считается позорным актом у нас, а его немецкий аналог ANZEIGE и более зловещий вариант DENUNTIATION – вполне нормальным в Германии. Аналогичное касается и ИНДИВИДУАЛИЗМА, положительно маркированного в британской, американской и французской ЯКМ, отрицательно – в русской, украинской, испанской, где он ассоциируется с эгоизмом, и довольно невыразительно объективируется в немецкой.

Более того, в рамках одной культуры наблюдаются и случаи разного отношения к одному и тому же концепту. Например, к нем. FORMULAR можно иметь страсть, его можно игнорировать или даже ненавидеть (ср.: *Von der Wiege bis zur Bahre – Formulare, Formulare / От рожденья и до смерти – бланки, бланки*), но сегодня немцы не могут сделать и шага, не заполнив какой-нибудь формуляр. По-разному оцениваются такие сугубо этноспецифические концепты, как GLORY и DISGRACE [Русина 2008], БЛАТ (нем. VITAMIN B), КУМОВСТВО, КАНЦЕЛЯРИЯ, НОМЕНКЛАТУРА, ХРУЩЕВКА, отношение к которым неоднозначное. Это отношение может различаться даже в рамках одного общества – как, например, полярно противоположные оценочные рефлексии в украинской культуре к концептам ПОМАРАНЧЕВА РЕВОЛЮЦІЯ, МАЙДАН, КРАСНОЕ ЗНАМЯ и др.

В некоторых случаях совокупные семантические отличия концепта и "антиконцепта" (СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ, НАДЕЖДА – ОТЧАЯНИЕ, ЧЕСТЬ – ПОЗОР, РАДОСТЬ – ПЕЧАЛЬ) количественно менее значительны, чем семантические отличия его межъязыковых вариантов (СЧАСТЬЕ – HAPPINESS – GLÜCK, НАДЕЖДА – HOPE – HOFFNUNG, ЧЕСТЬ – HONOUR – EHRE, РАДОСТЬ – JOY – FREUDE). С другой стороны, существуют концепты, аксиологическая интерпретация которых не всегда однозначна. Так, например, актуализация концептов ШТРАФ, БЛАЖЬ, НАЧАЛЬНИК, КОНФУЗ, ВЛАСТЬ, РЕВОЛЮЦИЯ со знаком плюс или минус возможно только в дискурсе. Более того, в некоторых группах (телеономные, категориальные, ритуальные) вообще отсутствуют отрицательные концепты.

Решая задачу о том, что такое хорошо и что такое плохо, Б. Акунин приходит к простому и безэмоциональному выводу: хорошо – всё, помогающее раскрыть все самое ценное, что заложено в человеке природой; плохо – всё, что этому мешает [Акунин 2012: 12]. Очевидно, по принципу ценности делятся и ментальные единицы, среди которых антиконцепты оказываются особо акцентуированными.

4. Выводы и перспективы. Концептуальный корпус языка имеет в своем составе не только положительно, но и отрицательно маркированные ментальные единицы – антиконцепты, которые являют собой лингво-психо-социо-культурный феномены, объективированные языковыми средствами и отражающие определенную антиценность наднационального, национального или индивидуально-авторского порядка. Типологически – в зависимости от наличия / отсутствия (лакунальность), эксплицитности / имплицитности,

степени выраженности положительного противочлена, а также от своей включенности / невключенности в мезоконцепт (вышестоящую инстанцию, обобщающую идею) – антиконцепты могут быть партономическими, стигматическими и эссенциальными.

Партономический антиконцепт четко противопоставлен своему положительному контрагенту, оказывается прочно включенным в некоторую вышестоящую инстанцию и является, таким образом, одним из конструктивных компонентов соответствующей ментальной триады. В отличие от него, стигматический антиконцепт не является включенным в мезоконцепт (по крайней мере, эксплицитно), а существует как бы сам по себе, вне четко выраженной вовлеченности в вышестоящую идею. Эссенциальный антиконцепт обладает чертами и того, и другого: он соотносится со своим положительным противочленом опосредованно, через некоторую имплицитно подразумеваемую идею.

Перспективным представляется дальнейшее изучение концептуальных единиц под углом зрения аксиологической семантики на предмет их типологии, путей самоорганизации, межкультурного импорта-экспорта, миграции из одной социодискурсивной среды в другую, а также роли в лингвокогнитивном моделировании дискурсивных формаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б.. Аристономия / Борис Акунин (Чхартишвили Г.). – М. : "Захаров", 2012. – 432 с.
2. Гуреева Е.И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте объекта : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е.И. Гуреева. – Челябинск : ЧГУ, 2007. – 22 с.
3. Борисов О.О. Мовні засоби вираження емоційного концепту СТРАХ: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі сучасної англійської художньої прози) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.О. Борисов. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – 20 с.
4. Бусурина Е.В. Лингвокультурема "дурак" в русской языковой картине мира : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.В. Бусурина. – СПб. : Изд-во СПбУ, 2004. – 22 с.
5. Ваховська О.В. Поняттєва складова концепту SIN / GRIX в англійській картині світу / О.В. Ваховська // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 897. – С. 60–65.
6. Воркачев С.Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г. Воркачева. Сб. ст. / Отв. ред. В.И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 39–60.

7. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74
8. Воробьева О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник КНЛУ, 2012. – № 3. – С. 10–17.
9. Горобець І.С. Мовні засоби відтворення концепту *злочинець* у сучасній американській художній прозі та газетній публіцистиці : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.С. Горобець. – Донецьк, 2007. – 20 с.
10. Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта “смерть” / Э.В. Грабарова // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб научн. тр. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 71–78.
11. Данилов К.В. Англо-американские правовые концепты Crime и Punishment в лингвокультурном освещении : учеб. пособие / К.В. Данилов. – Саратов : Научная книга, 2005. – 128 с.
12. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта “тоска” во французскую лингвокультуру : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е.В. Димитрова. – Волгоград : ВГПУ, 2001. – 19 с.
13. Жулавська О.О. Актуалізація концепту ТЕРОРИЗМ у сучасному британському газетному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.О. Жулавська. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – 20 с.
14. Ермакова О.П. Концепты «совесть» и «зависть» в их языковом выражении / О.П. Ермакова // Русский язык сегодня сб. тр. ; отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 375–385.
15. Заикина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С.В. Заикина. – Волгоград : ВГПУ, 2000. – 188 с.
16. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
17. Козина Н.О. Концепт ГРЕХ: этический аспект [Электронный ресурс] / Н.О. Козина. – Иванов. гос. ун-т. – Режим доступа : <http://www/isuct.ru/etc/antropos/section/2/kozina/htm>
18. Колесник О.С. Лінгвосеміотика міфологічного простору : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / А.С. Колесник. – К. : КНУ ім. Т.Г. Шевченка, 2012. – 36 с.
19. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г.В. Кусов. – Краснодар : КГТУ, 2004. – 245 с.

20. Ларина М.Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка»; 10.02.04 «Германские языки» / М.Б. Ларина. – Кемерово : КемГУ, 2011. – 19 с.
21. Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю.И. Левин. – М. : ЯРК, 1998. – С. 809–819.
22. Любезная Е.В. Антиномия “тьма – свет” в культурно-аксиологической парадигме русской ментальности (по рассказам Татьяны Толстой) / Е.В. Любезная // Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы докл. III Междунар. научн. конф. в 3-х т. – Минск : МГЛУ, 2005. – Ч. 1. – С. 213–215.
23. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты “гордость” и “стыд” в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / С.А. Малахова. – Волгоград : ВГПУ, 2009. – 25 с.
24. Морозова Е.И. Активизация концепта ЛОЖЬ в дискурсе / Е.И. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 13–16.
25. Несветайлова И.В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И.В. Несветайлова. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 18 с.
26. Никонов А.П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека / А.П. Никонов. – М. : ЭНАС; СПб. : Питер, 2008. – 368 с.
27. Онищук І.Ю. Емоціогенність концепту ВАМПІР в англійській мові й мовленні (на матеріалі словників та англословних романів-трилерів : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.Ю. Онищук. – Одеса, 2006. – 20 с.
28. Павлова О.В. Концепт «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / О.В. Павлова. – Волгоград : ВГПУ, 2009. – 25 с.
29. Передриенко Т.Ю. Концепты БОГ и ДЬЯВОЛ в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Т.Ю. Передриенко. – Челябинск : Изд-во Южно-Уральск. гос. ун-та, 2006. – 23 с.
30. Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. Ю. Пономарева. – Тюмень : ТГУ, 2008. – 24 с.

31. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
32. Путий Е.С. Концептосистема немецкой фольклорной сказки / Е.С. Путий // Междунар. электр. сборник науч. трудов «Когниция, коммуникация, дискурс». – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2011. – № 3. – С. 53– 63.
33. Русина Е.В. Бинарные концепты «glory» и «disgrace» в американской лингвокультуре : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е.В. Русина. – Волгоград : ВГПУ, 2008. – 18 с.
34. Семенчук А.Б. Інноваційні засоби об'єктивації концепту ТЕРОРИЗМ (на матеріалі англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / А.Б. Семенчук. – Херсон : Херсон. держ. ун-т, 2010. – 20 с.
35. Степанов Ю.С. "Понятие", "Концепт", "Антиконцепт". Векторные явления в семантике / Ю.С. Степанов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.-Калуга : ИП Кошелев, 2007. – С. 19-26.
36. Харитоновна В.Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.Б. Семенчук. – Воронеж : ВГУ, 2008. – 22 с.
37. Храмова Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Ю.А. Храмова. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 21 с.

Анатолій Николаевич Приходько, доктор филол. наук, профессор кафедры германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru

УДК 811.111'42

ТЕКСТУАЛЬНЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ШУТКИ

В.А. Самохина (Харьков, Украина)

В.А. Самохина. Текстуальный и дискурсивный аспекты современной англоязычной шутки. Статья является комплексным исследованием тексто-дискурсивных особенностей современной англоязычной шутки и опирается на постулаты функционально-коммуникативной методологии, которая интегрирует формальные, композиционные, текстовые, жанровые, дискурсивные аспекты её анализа. Шутка рассматривается как когнитивное образование, появление которого обусловлено пониманием коммуникативной деятельности человека в рамках смеховой культуры, и исследуется в контексте её социального бытования и коммуникативной ситуации. Инконгруэнтность является базовым когнитивным механизмом шутки, который эксплицируется на лингвоситуативном уровне (нарушение онтологических, логико-понятийных, валоративных, дискурсивных норм), а также на лингвальном уровне (нарушения языковых, речевых, текстовых и жанровых норм). В статье также изучены интерпретативная роль адресанта и адресата, прагматические функции антропонимов, функции интертекстуальных элементов в создании комического эффекта в шутке.

Ключевые слова: шутка, инконгруэнтность, отклонение от нормы, смеховая культура, лингвальный/лингвоситуативный юмор, речевой жанр, механизмы создания комического, комический эффект.

В.О. Самохіна. Текстуальний та дискурсивний аспекти сучасної англомовної шутки. Стаття є комплексним дослідженням тексто-дискурсивних властивостей сучасного британського та американського жарту, і спирається на постулати функціонально-комунікативної методології, яка інтегрує його формальні, композиційні, текстові, жанрові та дискурсивні аспекти. Жарт розглядається як когнітивне утворення, поява якого зумовлюється розумінням комунікативної активності людини в контексті сміхової культури і досліджується в аспекті його соціального побутування й комунікативної ситуації. Інконгруентність є базовим когнітивним механізмом жарту, який експлікується на лінгвоситуативному рівні (порушення онтологічних, логіко-поняттєвих, валоративних норм), а також на лінгвальному рівні (порушення мовних, мовленнєвих, текстових і жанрових норм). У статті також досліджується інтерпретативна роль адресанта та адресата, прагмастилістичні функції

антропонімів, функції інтертекстуальних елементів у створенні комічного ефекту в жарті.

Ключові слова: жарт, інконгруентність, відхилення від норми, сміхова культура, лінгвальний/лінгвоситуативний гумор, мовленнєвий жанр, механізми створення комічного, комічний ефект.

V.O. Samokhina. Textual and Discursive Aspects of Modern English Joke.

Being a complex study of text-discourse properties of modern British and American jokes the analysis integrates their formal/compositional, textual, genre and discourse aspects. The joke is considered as a discourse format, the appearance of which is conditioned by perceiving a person's communicative activity within the laughing culture and examining it in the context of its social setting and situation of performance. Incongruity is the basic cognitive mechanism which manifests itself both at the linguosituational (deviation from ontological, referential, logical, conceptual, discursive norms) and the linguistic level (deviation from lingual, speech, textual and genre norms). The paper also explores the interpretative role of the addresser and the addressee, pragmasylistic functions of anthroponyms, functions of intertextual elements in creation of comic effect in the narrative joke.

Key words: joke, incongruity, deviation from standards, comical, lingual/linguosituational humour, narrative joke, speech genre, mechanisms of comism creation, comic effect.

Юмор является самым распространенным видом комического и его современной экзистенцией [Рюмина 2003: 238].

Исследование функциональной природы языка юмора – одно из приоритетных направлений функционально-коммуникативной стилистики текста [Самохіна 2010: 22–31]. Юмористический текст имеет широкий функционально-коммуникативный спектр, в котором выделяются следующие функции: развлекательная, фатическая, регулятивная, переключаящая, аттрактивная, речетворческая, критическая и т.п. Эти функции являются действенным средством прагматического воздействия. Изучение прагматики юмористического общения позволяет раскрыть механизмы использования функционально-стилистических средств в разных типах текста и дискурса.

В центре внимания лингвистических исследований находятся единицы, которые, интегрируя в себе определенные языковые элементы, обеспечивают общение между людьми, способствуют взаимопониманию, сближению, контакту. При этом акцент делается не только на "серьезных" формах коммуникации, но и на "несерьезных". Одной из разновидностей последних является *шутка* как юмористический текст малого объема, который способен регулировать деятельность членов социума.

Всестороннее рассмотрение шутки как культурного феномена стал возможным благодаря фундаментальным трудам смеховых традиций Европы

(М.М. Бахтин, Т.М. Рюмина, О.М. Фрейденберг) и Древней Руси (Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко, Б.А. Успенский).

Однако системный анализ **англоязычной шутки**, её тексто-композиционные, прагмастилистические, функционально-коммуникативные, когнитивные аспекты на сегодня еще не выявлены. Неисследованными также остаются базовые механизмы создания комического и приемы их реализации в шутке. Возможно, это стало причиной того, что шутка парадоксальным образом не нашла должного места в учебниках по стилистике германских и романских языков.

Актуальность работы обусловлена насущной необходимостью комплексного исследования англоязычной шутки как тексто-дискурсивного образования. Специфика шутки заключается в наличии у неё двух статусов: фольклорного текста и речевого жанра. Эта особенность определила теоретические и прикладные аспекты её анализа. В русле нового направления коммуникативной лингвистики – функционально-коммуникативной стилистики текста – принцип коммуникативно-целесообразного отбора и комбинирования языковых единиц в соответствии с коммуникативной целью в определенных типах текста и дискурса. Этот подход требует системного рассмотрения *взаимодействия коммуникативного и стилистического аспектов функционирования языковых единиц и текста*. Актуальность заключается также в общей направленности современной лингвистики текста на рассмотрение текстов разных жанров в тесной связи с менталитетом культурных сообществ, что помогает уточнить характер взаимодействия между языком и мышлением. Проблема понимания комического текста стоит довольно остро в современном обществе: содержание шутки побуждает адресата к мыследеятельности – активному процессу мышления, а не только восприятию готового, неререфлективного понимания.

Объектом исследования является современная англоязычная фольклорная шутка как продукт интенционально лингвокреативной деятельности индивидов. Выбор текста шутки как объекта исследования продиктован тем, что он дает уникальный материал для декодирования и интерпретации адресатом комической информации на основе фоновых знаний.

Предметом анализа являются дискурсивные характеристики англоязычных шуток, то есть взаимосвязь их лингвальных и внелингвальных аспектов, а также базовый механизм и приемы создания комического эффекта в шутке.

Целью исследования является комплексный анализ специфики англоязычной шутки в контексте взаимодействия тексто-дискурсивных аспектов, приемов создания в ней комического эффекта на основе когнитивного механизма – комической инконгруэнтности.

1. Базовые характеристики шутки

Как *дискурсивное образование* шутка представляет собой единство текстового, жанрового и коммуникативного аспектов. В коммуникативном

ракурсе шутка является фрагментом несерьезного модуса коммуникации (в динамике); в текстовом ракурсе шутка – это статический результат шутливой коммуникации (актуальный текст); в жанровом аспекте шутка представляет собой речевой жанр (абстрактная форма). Шутке присущи все категории текста (завершенности, связности, информативности, модальности, интертекстуальности и др.), которые подчинены глобальной цели – достижению комического эффекта. Как речевой жанр шутка характеризуется совокупностью жанрообразующих черт: малый объем, неожиданная концовка (пуант), инконгруэнтность, проявляющаяся на всех уровнях, стереотипность композиционной модели, неосложненный синтаксис. Дискурсивные характеристики шутки: диалогичность, ассоциативность, игровой элемент коммуникации, обманутое ожидание, коммуникативные цели. Шутка построена по динамическому комическому сценарию, формирующему социальные роли партнеров по коммуникации. Основная цель шутки – позабавить или рассмешить адресата. Шутка саморегулируется, исторически развивается и имеет социальные признаки.

Ингерентным свойством шутки является когнитивный механизм инконгруэнтности, суть которого – в нарушении норм (онтологических, логико-понятийных, валоративных, жанровых, дискурсивных, языковых, речевых), что является источником комизма ситуации и манифестируется в парадоксе: отклонение от нормы создает в шутке новую норму и является нормой смехового восприятия мира.

В основе инконгруэнтности лежит конфликт, который проявляется на макро- и микроуровнях. На макроуровне конфликт имеет экстралингвальные проявления (смех, гнев) и может быть либо разрешенным, либо неразрешенным; на микроуровне (в пределах текста шутки) конфликтная ситуация, которая заложена в сюжете, разрешается в пуанте и завершается эмоционально-экспрессивной интерпретацией шутки.

Типичными *стилевыми признаками* нормы текста шутки являются следующие: комизм, современность, антиципация, жанровая модель, интертекстовый римейк, иррадиация экспрессивности, мимезис, обманутое ожидание, серийность, эвокативность, моментальность восприятия, карнавальное сознание, пуантированность.

Нарративная шутка (или анекдот) – наиболее распространенная разновидность англоязычной шутки, в жанровой структуре которой выделяются группы нарративных и экспрессивных элементов. Нарративность ассоциируется с театральностью, исполнением, игрой. Комический эффект достигается благодаря концептуальному раскрытию композиционной модели шутки, которая реализуется в блоках, и эксплицированию лингвоситуативной и лингвальной двусмысленности. Нарративная шутка рассматривается в рамках макроконтекста (как явление дискурсивного порядка), где помимо самого текста выделяются все составляющие экстралингвальной ситуации,

и микроконтекста – условного, игрового контекста внутри самого текста шутки, где адресант и адресат вводятся в его коммуникативное пространство.

Значительную роль в нарративной шутке выполняют маркеры антропоцентричности – антропонимы (сферы их применения, номинация персонажей, создание комических ассоциаций и коннотаций для обеспечения конкретности, реалистичности и комизма анекдота) – и их функции (создание комического образа или ситуации, экспрессивно-эмоциональная, дейктическая, культурологическая, ориентировочная, выделительная, аллюзивная). В смешных именах содержится юмористический заряд, создающий инконгруэнтные юмористические ассоциации, играющие роль дешифратора комической ситуации в анекдоте.

Инконгруэнтность в шутке достигается путем лингвистического анализа через понятие нормы. Основными средствами создания комического эффекта в шутке являются разновидности языковой игры, построенной на инконгруэнтности всех языковых уровней: на фонетическом – игра звуками (омонимы, омофоноиды, омографы), шибболет, звуковая метатеза; на лексическом – каламбуры, бленды, малапропизмы, оксиморон, зевгма; на текстово-дискурсивном – нарушения на уровне композиционной структуры, ввод интертекстовых элементов, сбой временных планов, смешение стилей.

Тексту анекдота свойственны широкие интертекстуальные связи: в нем используются аллюзии, цитации, пародирования, стилизация, реалии. Юмористический эффект достигается только при наличии у адресата определенной базы энциклопедических знаний. Анекдоты, содержащие прецедентные феномены, на основе интертекстуальных ссылок обогащают когнитивную базу адресата. Аллюзивная игра позволяет познать глубинную структуру шутки через раскрытие разнообразных средств лингвистической манипуляции. Нарушение правил кода приводит к активизации новых ассоциативных отношений в шутке.

Основной сферой реализации смеховой картины мира является *речевой жанр (РЖ) шутки* – лингвоситуативная или лингвальная единица шутливой коммуникации. РЖ шутки изучается в различных ситуациях общения, и в фокусе внимания находятся его структурно-содержательная организация и проблемы интерпретации. Понимание РЖ шутки зависит от трех факторов: формального, эмоционального и когнитивного. Первый связан с возможностью распознать РЖ шутки; второй позволяет настроиться на шутливое общение; третий – с пониманием семантики шутки. РЖ шутки является типичной распространенной формой общения. Соответственно, диалогичность, тесный контакт адресанта и адресата являются базовыми условиями его существования.

Шутка выполняет регулятивную функцию в дискурсе, ее основная цель – установление контакта между коммуникантами. Однако нередко шутка становится орудием оскорбления; в этом случае срабатывает механизм

антифразиса, который проявляется в контексте, когда комическая ситуация может перерасти в конфликтную.

Дискурсивными маркерами РЖ шутки являются: метатекстовые вводы (*Hey, listen to this; Have you heard this one?; That reminds me; I've got a really funny one*), клишированные формулы (*There was an Englishman, a Frenchman, an Irishman ; Knock-knock; Doctor, Doctor; I say, I say, I say*), воспроизведение, то есть непосредственное озвучивание РЖ шутки, во время которого возможна сопроводительная интеракция или невербальная коммуникация – улыбки, смех, жестикация, оценка (*That's ancient as world! Got any more like this? That's disgusting! Great! Superb! Wonderful!*) и т.п. Шутить можно только по отношению к другому человеку: существует понятие самоиронии, но нет понятия самошутки. Шутка может быть объектом иронии (ср. иронические замечания по поводу засаленной, грубой, низкопробной шутки, например, "*What a clever joke!*").

Целью РЖ шутки является, в основном, положительное влияние на психоэмоциональную сферу адресата, что подтверждается соответствующими метазнаками (прежде всего, глаголами) в толковых словарях (например: *make smb. laugh, set laughing, burst out laughing, begin to laugh* [The Concise Oxford Dictionary, 1979: 611]. Эти лексико-семантические словосочетания являются средствами языкового кода РЖ шутки. Таким образом, шутка является социальным знаком, поскольку она воспроизводит комический "сценарий", который формирует социальные роли партнеров по коммуникации. Использование РЖ шутки допускается этикетными нормами только в определенной ситуации.

По характеру референтного пространства, отображаемого в РЖ шутки, можно выделить реальную действительность, которая трансформируется в псевдореальную, мнимую, включающую элементы вымысла, субъективного отношения к фактам действительности. РЖ шутки рассчитан на активность, проявляющуюся извне, то есть на превращение адресата в активного участника и интерпретатора шутки.

Текстотипологическое изучение шутки предполагает анализ реализации её определенных характеристик и стилевых черт. Это – небольшой по форме комический текст, который построен на одном эпизоде с остро выраженной кульминацией в конце. По прагматическим целям англоязычные шутки могут быть заготовками (так называемые *canned jokes*) и спонтанными шутками, которые порождаются в процессе общения или рассказываются по ассоциации; по форме выделяются стихотворные – 12% (*limericks, knock-knock jokes, nursery rhymes*) и прозаические – 88 % (*one-liners, Tom-Swifties, wellerisms, tall tales, why-jokes, narrative jokes*). Шутки также могут быть лингвальными (13%), лингвоситуативными (87%), авторскими (7%), неавторскими (93%). Наиболее распространенным типом шутки является лингвоситуативный. Исследование показало, что комизм в англоязычных шутках возникает на лингвальном и лингвоситуативном уровнях (ср. лингвоситуативные шутки: *narrative jokes*,

shaggy dog stories, tall tales, limericks – и лингвальные шутки: *tongue-twisters, one-liners, knock-knock jokes, spoonerisms*).

Одной из самых распространенных разновидностей современных англоязычных шуток является анекдот, который в англоязычной лингвокультурной среде определяется как нарративная шутка. В древности анекдоты называли бытовыми меморатами. По форме они представляли собой малый нарративный жанр, который передавал собственные воспоминания о событиях, свидетелем которых был рассказчик [Кімакович: 45–52]. Бытовые мемораты начали активно взаимодействовать с квази-меморатами – рассказами, которые не основывались на личных воспоминаниях очевидцев, но выдавались пересказчиками как такие. Когда анекдотами начали считать и фабулаты (многочисленные истории, которые шли порой от трикстерской традиции), интерес проявлялся уже не к событию, которое произошло с конкретной личностью, а к фабуле.

Важным атрибутом анекдота как текста является динамичный, но в то же время законченный сюжет. Особенности микромира комического в тексте анекдота является простота формы, меткость и действенность слова, объекты его изображения – факты или события из реальной жизни людей, это – установление определенного двойственного мира: на фоне ожидаемого, стереотипного мира возникает другой, со смещенными ориентирами.

Модус комического – базовый элемент анекдота. Комическое – это мир в модусе «текст». Комическое становится возможным с помощью языка, который является его первичным кодом – адекватным универсальным инструментом для мира комического несоответствия. Комическое – это отклонение от нормы, это нормальное устройство мира. Игровой элемент – один из важнейших в определении этой категории. Комическое всегда опирается на конкретное содержание, которое проявляется в контексте общения. Следовательно, комическое всегда является объективной общественной ценностью, реализующее специфический круг переживаний человека. Комическим для человека может быть все, что имеет знакомый образ, хорошо ему известно и понятное. Восприятие комического текста является когнитивным процессом, направленным на конструирование содержания. Ментальная обработка информации в комической ситуации имеет характер интерпретации, и когнитивная специфика комического текста связана с диалогичностью как универсальным свойством творческого познающего мышления, и речи. Юмор – это эффект, который возникает вследствие его интерпретации. Комическое является игрой с содержанием, когнитивный механизм которого – комическая инконгруэнтность. Неожиданность, противоречие, отклонение от нормы являются базовыми факторами порождения комического эффекта. Имеется ввиду не всякое отклонение от нормы, а лишь такое, которое вызывает возникновение комического смысла. Любые аспекты социальной жизни, встречающиеся в шутке, подаются

двусмысленно и включают несовместимые явления, которые осознаются как единый комплекс.

В плане *прагматики* инконгруэнтность в шутке проявляется в карикатурном изображении образа, обыгрывании двусмысленности, высмеивании привычных фактов. Но это не обычное высмеивание, а снижение статуса персонажа в виде шуточного нарушения общепринятых норм. В плане *синтактики* – это соотношение шутки с его формальными типами, с различными текстами.

2. Специфика англоязычных юмористических текстов малых форм

Изучение особенностей народной смеховой культуры британцев и американцев помогает понять специфику их менталитета, характерный набор когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов этноса. Особенности юмора в англосаксонской и американской лингвокультурах – специфичны. Англичане – чопорные, эмоционально сдержанные, неконфликтные, толерантные, что находит проявление в юморе. Американцы – более демократичны, и юмор составляет главную часть их повседневного общения.

Характерная особенность британского менталитета и, соответственно, стереотипа британца – невозмутимость в неправдоподобных ситуациях. Однако, наблюдается тенденция к подтруниванию англичан над своими консервативными привычками и традициями. Британскому юмору присуще остроумие, а следовательно, преобладание интеллектуальных юмористических форм (каламбуров, оксиморонов, нонсенса, парадоксов), в основе которых – инконгруэнтность. Именно этот когнитивный процесс получения морального удовлетворения от осознания своей собственной значимости является для британцев одним из основных психологических стимулов к анализу юмора.

Отличительные черты американской смеховой культуры обусловлены историческим развитием США. Особенно выделяется юмор фронта, ставший основой для развития таких жанров, как бессмыслицы, "невероятные истории" (tall tales), трикстеры (practical jokes), анекдоты (yarns). Неотъемлемая черта американских шуток – переворачивание повседневного, неуважительное отношение к традициям, комизм алогичного. В британских и американских шутках отмечается тенденция к уменьшению формальности и, как следствие, – появление обценной лексики, цель которой – минимизировать дистанцию общения.

В основе англоязычной шутки находится комический образ-маска, хорошо узнаваемый социумом. Этот образ-маска порождает комическую инконгруэнтность, которая провоцирует создание субъективного оценочного комического образа или ситуации, знание о которых для коммуникантов является обязательным условием. Игра в шутке основывается на знании системы единиц языка, на способности индивидов к их творческой интерпретации. Такого рода использование языка является когнитивным процессом и предполагает наличие общих фоновых знаний как у адресанта, так и у адресата. Распознавание адресатом противоречия, содержащегося

в шутке, ведет к комическому эффекту. Инконгруэнтность в шутке построена на эффекте обмана, похожего на правду, эффекте обманутого ожидания, основанного на совокупности стилистических приемов. Нарушение предсказуемости составляет основу экспрессивности, и поэтому инконгруэнтность в шутке связана с эмоциональной стороной высказывания. Например:

Visitor (in a restaurant): Do you serve crabs here?

Waiter: We serve everyone. Sit down [Milton Berle's private joke file].

Многозначность глагола *to serve* (1) *обслуживать* и (2) *подавать*, а также существительного *a crab* (1) *краб* и (2) *скучный человек* вводят интерпретатора шутки в заблуждение, по крайней мере, вначале. Комический эффект является результатом ошибочной адресантной посылки, базирующейся на пресуппозициях, очень отдаленных от прогнозируемых. Адресант пытается завлечь адресата в игру, в результате которой последний интерпретирует анекдот, используя косвенные значения этих слов.

Феномен удивления возникает в результате того, что ожидания, основанные на ранее сконструированных схемах, остаются неоправданными (В.В. Мейер, Р. Рейзензен, А. Шутцвол). Персонажи шуток постоянно находятся в состоянии конфликта. Здесь действует философский закон единства и борьбы противоположностей, на котором построена динамика этого жанра. Шутка является алогичной, поскольку создает свой антимир, полный несоответствий, поэтому она отмечается парадоксальностью содержания.

Нарушение норм в шутке является нормой, то есть именно они провоцируют инконгруэнтность, которая вместе со смешной ситуацией создает комический эффект, а также дополнительные коннотации оценочности, эмоциональности, экспрессивности, стилистической окраски. На онтологическом, или референтном, уровне комическое возникает из-за эффекта неожиданного смещения, отстранения привычной и обязательно знакомой, но значимой для человека картины мироздания. Этот уровень ассоциируется с неадекватным представлением фактов реальной действительности; шутки создаются аномальными конструкциями, среди которых – искажение объективной действительности, реального мира, его субстанций. Это – мир абсурда, неправдоподобных предположений, вписанных в правильный в целом ход событий. Обязательное условие комического – возникновение "двойного мира", то есть на фоне нормального, ожидаемого, стереотипного мира возникает другой, со смещенными ориентирами. В англоязычной культуре это характерно для шуток о пришельцах и внеземных цивилизациях, об исследовании космоса и космических феноменах; о виртуальной реальности и компьютерных технологиях; о библейских персонажах, а также о сказочных героях, призраках и монстрах. Ср.:

– I didn't believe in ghosts either, so I said I'd stay in the haunted house. I moved right in and the first night at three o'clock in the morning, a ghost came through the wall just as if there weren't no wall there at all.

– *What did you do?*

– *I went through the opposite wall the same way* [5600 jokes].

Юмор в этой шутке возник за счет гротеска, а также приема контраста: нарушение онтологической нормы отражено путем привлечения сущности, которая не существует в реальности.

Языковыми приемами юмора в случае нарушения онтологических норм являются экспрессивные сравнения, антитеза, гипербола, непрогнозируемые мотивировки узуальных аббревиатур.

Нарушение норм на логико-понятийном уровне включает интерпретационный компонент, т.е. адресат осознает нарушение логики мышления, когда создаются такие абсурдные ситуации, которые находятся за пределами рациональной основы. Нарушение этих норм выражено в этнических, политических, бытовых англоязычных шутках. Инконгруэнтность создается с помощью речевых приемов зевгмы, каламбура, парадокса, паралогического вывода, оксиморона: происходит соединение двух контрастных по значению слов (обычно таких, которые содержат антонимические семы, раскрывающие противоречие описываемого), предложений или ситуаций. Такие нарушения представляют собой одну из возможных трактовок разногласия традиционного и ситуативно обозначенного, их квантования в тексте шутки. Например:

It was a deathbed scene, but the director was not satisfied with the hero's acting. "Come on!" he cried. "Put more life in your dying" [Take my Wife, Please].

Нарушение логики высказывания эксплицируется за счет употребления лексем *life* и *dying* в контексте контрадикторной фразы *put more life in your dying* – оксиморонного словосочетания, что и создает комизм.

Нарушение валоративных норм основывается на аномалиях, которые искажают прототипический мир ценностей. Обычно в шутках обыгрываются нравственные, духовные, эстетические ценности. Ср.:

– *Where do chickens go to when they die?*

– *To oven!* [Rayner S. The Midnight Feast Joke Book].

В вышеприведенной шутке высмеивается один из самых распространенных постулатов многих христианских конфессий (существование небесного рая, куда, как считается, попадают души праведников). В примере принижается упомянутая духовная ценность путем сравнения людей с курицами, которые после смерти попадают в рай. Слово *oven* – духовка – созвучно слову *heaven* – небо. Приблизительность в звучании двух контекстуально не связанных слов предопределяет дополнительные семантические связи между ними. Привлечение паронимической аттракции к звуковой аранжировке текста шутки приводит к возникновению вторичного смысла, определенного подтекста, создавая таким образом комическую тональность.

Образцом использования ценностных аномалий как источника комического является также "черный юмор":

Minutes before the cremation, the undertaker quietly sat down next to the grieving widow. "How old was your husband?" he asked.

"He was ninety-eight", she answered softly. "Two years older than I am".

"Really?" the undertaker said. "Hardly worth going home, wouldn't you say?"

[Joke Soup].

Показное сочувствие гробовщика в начале шутки переходит в ироническое сравнение в пуанте шутки: ассоциативный стереотип (пресуппозиция), который выходит из интродуктивной части, вступает в резкое противоречие с содержанием финальной части. Нарочитый алогизм поведения гробовщика сигнализирует об условном, игровом характере действий, которые описываются. Комический эффект здесь возникает из-за столкновения двух взаимно противоречивых "прототипических миров ценностей".

Типология англоязычных шуток основывается на: (а) тематике, отражающей многогранную жизнедеятельность человека в его диалектическом развитии, и поэтому является полностью антропоцентрической. В исследованиях англоязычного юмора по тематике наиболее распространенными считаются *political, lawyer jokes, jokes on religious subjects, professional jokes (medical, mathematical, chemistry jokes), dirty jokes, sick jokes (tragedy, dead body jokes), blonde jokes, jokes about animals, shaggy dog stories, Elephant jokes* и другие; (б) источнике, или национальном, культурном происхождении (ср. шутки о бездарях (*numskull tales*) и олухах (*ethnic slurs, blason populaire*)); (в) структуре и форме: англоязычные шутки встречаются в форме диалога, монолога или смешанного типа; (г) коммуникативной цели – здесь, прежде всего, выделяется иллокутивный критерий по признаку установки на комический эффект.

Еще одним признаком для типологии может послужить прозаическая или стихотворная формы шутки. Неизменными примерами стихотворной формы являются *limericks, nursery rhymes, tongue-twisters* и др. Ср.:

One night an amorous young Sioux

Had a date with a maiden he knioux,

The coroner found

The couple had drowned

Making love in a leaky canoe! [Milton Berle's private joke file].

Источником комического в стихотворных шутках, как правило, являются нарушения фонетических норм (напр., прием метаплазма, или паронимической аттракции, который заключается в трансформации звукового (и, соответственно, графического) облика слова (*knew – knioux*). Паронимическая аттракция рассматривается в шутке как явление сознательного сближения в речевой цепочке подобных по звучанию и/или по орфографии слов, вступающих в новую, неожиданную семантическую связь, предоставляющую ассоциативное переосмысление традиционных лексических единиц, которые участвуют в этом стилистическом приеме. Комизм в вышеприведенной шутке проявляется как в содержательной части, так

и в звонкой рифме, употреблении аллитерации и ассонанса (Sioux – knioux; found – drowned).

3. Функционально-коммуникативная сущность англоязычной шутки

Шутка имеет целью повлиять на эмоции адресата, а именно: развеселить его, создать комическую ситуацию, ситуацию неофициального общения. Эта цель может быть достигнута путем передачи адресату сообщения юмористического содержания. В свою очередь, фраза "I'm joking/kidding" – лишь метаязыковое информирование адресата об этой цели и не является эквивалентом самой шутки. Компонент цели – рассмешить – обязательный, а эстетическая составляющая – факультативная (так, адресат может сказать: *I've enjoyed this joke very much* или *A cool joke!*). Таким образом, вся речевая реальность как бы распадается на две сферы: сферу шутливой и сферу серьезной тональности.

Если адресант хочет рассмешить адресата, он не готовит его специально, шутка возникает как бы спонтанно. Коммуникативная цель шутки предусматривает регулирование процесса коммуникации: создается определенная юмористическая тональность общения, а, следовательно, РЖ шутки выполняет фатическую и регулятивную функции. Существует несколько способов достижения поставленных целей. Для определения стратегии речевого воздействия необходимо учитывать не только коммуникативную цель, но и тип тактик, используемых для реализации шутки. Так, побудить адресата рассмеяться можно путем отбора таких юмористических текстов, которые бы привлекли внимание адресата, а также создания ситуаций, в которых смех был бы на первом месте. Поэтому стратегия формирования эмоционального настроения адресата является, пожалуй, основной. Функционально-эмотивный текст шутки "транслирует эмоции на адресата". Для такого типа текста главное – выразить их так, чтобы адресат понял этот информационный фокус. Понимание шутки может быть скорее эмоциональным, чем рациональным, так как неоспоримым является тот факт, что за шуткой стоит не только система языка, но и языковая личность, которая ее интерпретирует.

Особый статус адресанта шутки обусловлен такими факторами, как его социальная роль и тесная связь с адресатом. Социальная роль адресанта включает в себя коллективный образ. Второй фактор, связанный с активностью адресанта – направленность на конкретную цель: реализовать установку на смеховую реакцию, сделав адресата своим единомышленником по юмористическому общению. Нацеленность на "комическое сопереживание" адресата заставляет адресанта постоянно заботиться об укреплении связи "адресант-адресат".

Следующие типы диад отражают соотношение языкового статуса адресанта (A1) и адресата (A2) в реализации шутки: 1) $A1 = A2$, 2) $A1 > A2$, 3) $A1 < A2$. Первый тип диад отражает ситуацию юмористического общения между лицами с равным ролевым статусом, то есть, между друзьями,

родственниками, коллегами, примерно одного возраста и социального статуса. Две другие диады представляют собой ситуации статусного неравенства коммуникантов, но они, при определенных обстоятельствах, также имеют место. Так, $A1 > A2$ можно наблюдать в театре комедии, когда артист "травит байки". $A1 < A2$ возможен в случае, когда адресант по статусу ниже адресата, например, подчиненный рассказывает шутку начальнику.

В процессе рассказывания шутки отражается личностное отношение адресанта к предмету высказывания, что приводит к привлечению субъективной модальности в аппарат текстовых категорий шутки. Одним из маркеров субъективной модальности, который наиболее эксплицитно передает оценочное или эмоциональное отношение адресанта, является эпитет, который является эмфазой, усиливающей юмористический пуант в шутке, например, конкретизация юмористической ситуации с целью достижения наибольшего перлокутивного эффекта:

The census taker asked: "In what state were you when you were born?" "Well," hesitated the blushing spinster, "er-er-nude" [The Best Jokes for All Occasions].

Юмористический эффект достигается игрой слов, которая объединяет формальное сходство и семантическое различие: state – 1) государство, страна, 2) состояние, вид. Эффект обманутого ожидания связан с героиней шутки – старой девой, которая "предпочла" второе значение этого слова.

Концепция адресанта шутки заключается, главным образом, в том, что он, как правило, занимает доминирующую позицию (позицию морального превосходства). Его шутка обращена к собеседнику-адресату, который изначально занимает позицию выжидания, подчинения адресанту. Однако в определенных условиях адресат может стать адресантом, то есть продолжить коммуникацию в юмористическом ключе, и тогда их статусные роли меняются (например, когда адресат подхватывает "шуточную игру" адресанта и рассказывает свою шутку):

$A1 \rightarrow \text{РЖ-ш} \leftrightarrow A2 (A1) \rightarrow \text{РЖ-ш} \leftrightarrow A2 (A1) \rightarrow \dots$

адресант – $A1$, адресат – $A2$, речевой жанр шутки – РЖ-ш.

Адресат шутки – это субъект оценки и эмоции. Фактором, определяющим оценочное отношение, является вхождение фрагмента мира, отраженного в шутке, в жизненное пространство говорящего. Результат субъективной интерпретации оцениваемого фрагмента мира – эмоция адресата. Рассмотрение особенностей адресата в юмористической коммуникации позволило выделить его основные черты: широту фоновых знаний, знания экстралингвальной ситуации, умение добывать в шутке информацию о своей или чужой лингвокультурах.

Получатель должен знать жанровые правила, которые обеспечивают идентификацию шутки, активизацию соответствующего сценария, который

хранится в его памяти, выбор нужной установки, возможность прогнозирования последующих речевых действий партнера и возможность реагирования на нее. Создавая шутку, адресант подает себя как носитель соответствующего статуса и исполнитель комической роли, формирующий правила комической игры. Важное значение здесь имеет социокультурный аспект: шутка объединяет участников юмористической коммуникации благодаря общности жанровых стереотипов поведения адресанта и адресата. В этой связи важное место занимают ролевые характеристики участников общения, которые проявляются, прежде всего, в их социальных и коммуникативных отношениях.

Адресант и адресат шутки взаимодействуют в разных типах ситуаций социокультурного контекста, основными из которых являются: дружеское общение, общение коллег, официальные ситуации общения, общения людей с разным социальным статусом, при этом признаками шутки как составляющей коммуникативной компетенции выступают точность, логичность, образность, уместность, содержательность.

4. Текстово-композиционные параметры англоязычного анекдота

Англоязычная нарративная шутка (анекдот) является наиболее популярной разновидностью шутки, ее характерные черты – формульный характер и вариативность. Воспроизводимая в своем инвариантном виде модель анекдота выглядит следующим образом: 1) кто-то, где-то, когда-то говорит, спрашивает (сидит, приходит, лежит, находится); 2) что-то делает, на кого-то влияет; 3) происходит, реализуется неожиданное действие, результат этого воздействия, неожиданная реакция на воздействие. Структурное основание приведенной модели составляет глагольный ряд; лексемы, входящие в него, имеют определенную категориальную семантику движения, положения в пространстве, перехода из одного положения в другое, сопроводительной каузации, акциональности, интеллектуальной деятельности. Модель анекдота может варьироваться, однако ее элементы сохраняются: формульный характер не ограничивает варьирования, а, наоборот, открывает возможности вариативной реализации соответствующей модели. Семантический спектр предикативных звеньев модели отличается необычайной широтой и охватывает основные аспекты человеческого бытия: экзистенциальный, ассоциативный, аудиовизуальный, акциональный, эмоциональный, интеллектуальный, речевой.

Для формализации процесса передачи информации, содержащейся в анекдоте, предлагается концептуально-композиционная, семантико-информативная модель, которая раскрывается в заглавии, а также в интродуктивном, компликативном и эксплозивном блоках. Заголовок и компликативный блок являются факультативными, а интродуктивный и эксплозивный блоки – облигаторными в тексте анекдота. Компликативный блок раскрывает тему, которая представлена в интродуктиве, а также уточняет ситуацию и взаимоотношения между действующими лицами. Эксплозивный блок несет основную информативную, прагматическую, нагрузку текста

анекдота, влияющую на адресата, именно здесь содержится его основная "соль".

Заголовок – первый акт восприятия текста анекдота; это его первая интерпретация адресатом. Модальность заголовка, как правило, обуславливается его многозначностью. В зависимости от характера соотнесенности с текстом анекдота были выделены следующие типы заглавий: заглавие-резюме (которое представляет в краткой форме тему всего анекдота и имеет резонансное, инконгруэнтное наполнение), заглавие-прожектор (высвечивает самую яркую комическую идею анекдота) и заглавие-цитата (содержит дословное воспроизведение поговорки или его части). Заглавие характеризуется экономией средств, т.е. ограниченным набором семантических и синтаксических единиц, передающих самостоятельное содержание, а также создает эффект обманутого ожидания, при этом многозначность названия, как правило, снимается в самом тексте анекдота:

Morphology

The teacher explained to the class that "y" ("ie") was a diminutive suffix:

"For example, Dad – Daddy, dog – doggie."

"Papa – puppy," prompted a pupil [1 000 more jokes for kids].

В этом анекдоте языковая игра строится на контрасте – создании окказионального существительного по аналогии с традиционным методом словообразования, что и создает комический эффект.

Наличие интродуктива обеспечивается необходимостью ориентации адресата в информации, исходящей из анекдота, с объективизацией его в коммуникативном пространстве. Интродуктив определяет тематическую, интенциональную направленность на предметную сферу. Простота является главным требованием в построении интродуктива: нетипичный или громоздкий интродуктив, как правило, не фиксируется адресатом и, следовательно, утрачивается в процессе функционирования анекдота [Петренко 2004: 151]. Интродуктивный блок анекдота характеризуется лаконичностью и краткостью в выборе типичного набора ситуаций (Ср. *"A man walks into a shop ..."*) или стереотипных персонажей (*"Grandmother says to her grandson ..."*).

В интродуктивном блоке превалирует содержательно-фактуальная информация, которая в большинстве случаев выражена эксплицитно, предоставлена емко и кратко, ввиду свойства самой формы анекдота. Интродуктив не имеет концептуальности, поэтому он лишен экспликаторов эмоционально-субъективного характера и достаточно легко схематизируется:

"We had my Granny for Christmas dinner last year."

"Really? We had turkey" [1 000 more jokes for kids].

Основой комического в этом примере является игра слов: *to have smb / smth for dinner* – 1) пообедать вместе и 2) подать на обед. Ср.: *Мы съели бабушку на обед, а мы – индейку.*

Основная функция компликатива состоит в "создании сюжетных и когнитивных оснований для прогнозирования адресатом возможных

вариантов завершения действия в анекдоте" [Петренко 2004: 154]. В компликативном блоке ситуация, которая введена интродуктивной частью, получает свое развитие и усложняется. В этой части наблюдается постепенное нарастание интереса и напряженности ситуации. Компликативный блок кратко раскрывает и уточняет тему, введенную в интродуктиве, отношения между героями, ситуацию:

Two partners on a sinking boat are thrown into the sea. "Can you float alone?" one asks the other. "I'm drowning", says the other, "and he's talking business!" [Joking Off II].

Здесь имеет место игра слов: float – 1) держаться на поверхности воды и 2) размещать, выпускать акции. А слова alone – один и a loan – заем – также омофоничны. Инконгруэнтность, а вслед за ней, и комический эффект, возникающий в случае понимания вторым персонажем выражения to float alone как to float a loan – выпустить акции, – являются контекстуально несовместимыми.

Эксплозивный блок – это инвариант анекдота. Функция эксплозивного блока заключается "в разрушении ... некоторой когнитивной опоры для построения адресатом прогнозов, что провоцирует когнитивное замешательство адресата, которое, в свою очередь, обуславливает возникновение смеха" [Петренко: там же]. Эксплозив вычленяется достаточно четко, основная часть имеет преимущественно "рамочный" характер и выражается финальной репликой анекдота:

Drunk – "Shay, offisher, wheresh th 'corner?"

Officer – "You 're standing on it."

Drunk – "No wonder I couldn't find it" [The Best Jokes for All Occasions].

В этом примере комизм заключается в буквальной интерпретации фразы полицейского и усиливается имитированием произношения пьяницы с помощью приема шибболета (shay, offisher, wheresh). В эксплозиве происходит удовлетворение интереса адресата, вызванного в интродуктиве и компликативе. Это – развязка анекдота. Комический эффект достигается благодаря концептуальному раскрытию всей композиционной модели, которая эксплицирует ситуативную и лингвальную двусмысленности.

Эксплозивный блок выполняет следующие задачи: информирует адресата о конце анекдота, готовя его к адекватной реакции на него; адресат когнитивно готов к восприятию анекдота; адресант создает пресуппозицию ожидания – реализацию реакции адресата; обманутое ожидание связано в анекдоте с приемом антиципации – захватом внимания адресата и удержанием его до конца.

5. Средства передачи юмора в тексте англоязычного анекдота

Развитие антропоцентрической парадигмы непосредственно находит свое воплощение в анализе специфики *антропонимов*, их функционировании в комических произведениях малых фольклорных жанров. Изучение их роли в тексте англоязычного анекдота впервые становится предметом исследования.

В тексте анекдота имена выполняют следующие функции:

1. Коммуникативную, когда имя или трафаретный образ, известные собеседникам, служат основой юмористического общения (в данном случае, анекдоты объединяются в целый анекдотический цикл). С помощью шуток американцы реагируют на известных представителей этой страны. Когда в 1981 г. утонула актриса Натали Вуд (Wood), появился такой "черный" юмор:

– *What's the only wood that doesn't float?*

– *Natalie* [Boskin J. *Rebellious Laughter*].

В шутке обыгрывается фамилия актрисы Wood, которая омонимична существительному wood – дерево. В основе этого анекдота – референция: претензия на достоверность связана с реальной личностью.

2. Функцию создания комического образа или комической ситуации:

"I say, Tom-ass, how are things?" asked one smart aleck of his acquaintance named Thomas. Unfortunately, the smart aleck had forgotten that his own name was Samuel, for Thomas retorted: "I'm fine, Sam-mule; and you?" [Jokes and Anecdotes].

В вышеприведенном анекдоте наблюдается языковая игра на морфологическом уровне и реализуется нарушением структуры имени собственного, что способствует возникновению комического эффекта. Об игровом характере словообразования свидетельствуют противоречия между формой окказиональных производных (Tom-ass и Sam-mule), а также сложных слов и их значений. Слова Tom-ass и Sam-mule создаются по имеющейся словообразовательной модели N1 + N2. Источником комического является сочетание по аналогии производных основ Tom и Sam с омонимическими суффиксами -as и -uel существительных ass и mule.

3. Экспрессивно-эмоциональную функцию, в которой обычно выступают имена с широкой известностью, находящиеся на пути превращения в нарицательные. Экспрессивно-эмоциональная функция имени собственного проявляется в анекдоте в том, что имя усиливает план выражения анекдота, добавляет эмоциональную окраску персонажу (юмористическую, как правило), образ становится более запоминающимся. Например:

– *What's your name?*

– *I give up Whatisit.*

– *What are you talking about – your father's name is Brown – how can your last name be Whatisit?*

– *Well, when I was born my father came in and took one look at me and said: "I give up – what is it?"* [5600 jokes].

Комизм ситуации становится понятным в конце анекдота, когда имя собственное (I give up Whatisit) полностью совпадает с предложением I give up – what is it? Воспроизведение имени собственного по аналогии с этой фразой по принципу окказиональной омофонии и создает комический эффект.

4. Дейктическую функцию, когда произнесение имени собственного сопровождается указанием на субъект:

At the office party, the boss's wife introduced herself to a very pretty girl.

*"I'm Mrs. Featherstonehaugh, the Managing Director's wife", she said.
"How do you do?", said the pretty girl. "I'm his secretary".
"Oh", said the boss's wife, "were you"? [The Book of British Humor].*

С помощью временного дейксиса удается создать комическую ситуацию: жена директора, знакомясь с молодой, красивой секретаршей, легко меняет настоящее время глагола to be на прошедшее. Игровой эффект вызван эллипсисом, который строится на контрасте синтаксиса и семантики. Структурная неполнота синтаксической конструкции were you побуждает адресата домыслить ее семантическое наполнение. Имя собственное Featherstonehaugh метафорически включает образные характеристики его носителя, оживляя внутреннюю форму слова, которое является сложным композитом: в нем сталкиваются три инконгруэнтные лексемы: feather – перо; stone – вес и haugh – пустой, что вместе и создает комический образ.

5. Культурологическую функцию, которая характеризует носителя имени как известного представителя с точки зрения определенной лингвокультурной общности: Mark Twain, Mozart, William Shakespeare и др. В этом случае персонаж анекдота выступает исключительно в комической роли:

- *What did Franklin say when he discovered electricity in lightning?*
- *Nothing, he was too shocked [Fright Fully Gross Jokes].*

Имя собственное выполняет в контексте приведенного анекдота культурологическую функцию и обыгрывается с комической стороны: глагол to shock означает: 1) быть психологически шокированным и 2) быть шокированным в результате электрического вмешательства. Игра слов провоцирует комический эффект.

Нарушение норм в шутках на лингвоситуативном уровне наблюдается в случае таких отношений: субъект – субъект; человек – пространство/время; человек – деятельность. Деятельность человека распадается на множество конкретных видов. Шутка становится комичной, если нарушаются нормы в этих отношениях. Принцип несоответствия между субъектом и деятельностью – характерная черта анекдотов. Так, в шутках о врачах дихотомия темы жизнь: смерть модифицируется такими стереотипами: непрофессионализмом, бездушием, чрезмерной щепетильностью, корыстолюбием, например:

Young doctor: Why do you always ask your patients what they have for dinner?

Old doctor: It's a most important question, for according to their menus I make my bill [Biggest Joke Book in the World].

Юмористический эффект заключается в использовании разных пресуппозиций вопроса: молодой доктор предполагает ответ, который ассоциируется с лечением, однако, старый врач использует алогичное парадоксальное суждение, инконгруэнтное вопросу.

Средствами логико-речевой инконгруэнтности являются: двусмысленность, иронические фигуры, малапропизмы, оксимороны, приемы

"наивная правда", "реверс", прием комического толкования слов, синтаксические конвергенции, слова с нумеральным значением. В анекдотах нумеративы часто становятся носителями парадоксальной юмористической ситуации и выполняют функции создания комического эффекта ("аргументативную", "поучительную", функцию преувеличения / преуменьшения):

To have 20 lovers in one year is easy. To have one lover for 20 years is difficult [The Big Book of Gross Jokes].

Комический эффект достигается приемами парадокса и игровой антиметаболы, или хиазма: второе предложение воспроизводит структуру и лексический состав предыдущего предложения, сопровождающегося изменением синтаксических связей между членами предложения, которые повторяются, что меняет смысл на противоположный.

Употребление нумеративных компонентов является типологической чертой текста англоязычного анекдота, его "магические" цифры – суггестивны, они создают не только инконгруэнтную ситуацию, но и несут смысловую нагрузку, способствуя актуализации комической ситуации.

Нарушение лингвальных норм – это игра звуками, спунеризмы, каламбуры (омографы, омофоны, омонимы, омофоноиды, бленды и т.п.), тропы. Так, эпитет в анекдоте выполняет ряд прагматических функций, одной из которых является эффект обманутого ожидания: в контексте анекдота эпитет выступает не как троп, а как знак, создающий инконгруэнтность. Ср.:

Goldie Hawn is funny, sexy, beautiful, talented, intelligent, warm, and consistently sunny. Other than that, she doesn't impress me at all [Jokes Off].

Анекдот построен на остром оксиморонном противоречии первой и второй частей: в первой части используется прием амплификации – употреблении эпитетов, которые являются антонимичными высказыванию в эксплозиве.

Разновидностью инконгруэнтности является бинарность анекдота, которая проявляется на всех уровнях: коммуникативном (в адресованности); коммуникативной структуры (тема-рема); содержательном (инконгруэнтность объективной и вымышленной реальности); персонажной подсистемы (бинарные оппозиции по рангу, по принадлежности к определенному полу или возрастной группе, по общественному положению, по национальности); в превращении трагического в комическое и т.д. Таким образом, комический эффект достигается за счет создания комических ситуаций, которые концептуально основаны на противопоставлении, антитезе.

Во всех случаях определенный мотив или действие оказываются смешными при соблюдении следующих условий: всегда имеет место несоответствие чьих-либо поступков или выводов реальному положению вещей. Мотивировки поступков персонажей и выводов, к которым они приходят, не согласуются с реальностью, в результате чего герои анекдотов попадают в нелепые положения, что, в свою очередь, неадекватно ими оцениваются. Это создает комический эффект.

Текст анекдота – интертекстуальный, он опирается на стереотипы своего жанра: образов, клишированных формул, композиции, языка, стиля. Анекдот заимствует элементы фольклора, художественной литературы, Библии, кино, песенного искусства, живописи. Интертекстуальные элементы: цитации, аллюзии, стилизации, пародирования, реалии – в анекдоте типизируются. Непосредственно цитаты в анекдоте встречаются редко. Как правило, "цитация" является условной [Левинтон 2000: 22]. Кстати, фраза *It's elementary, Watson* является псевдоцитатой, удачным изобретением анонимных авторов, так как в произведениях Артура Конан Дойла эта фраза не фигурирует. Интертекстуальность, которая проявляется в шутке, не имеет целью озадачить адресата, скорее она вызывает у него релевантные социальные знания и создает своего рода "игровую рамку". Таким образом, "интертекстуальность высвечивает интеракциональный характер юмора" [Norrick 1989: 138], или диалогизм, в духе М.М. Бахтина. Интертекстуальные элементы в анекдоте имеют четко выраженную экспрессивную функцию.

В зависимости от целей стилизации и средств осуществления ее в шутке выявлены следующие виды: жанровая стилизация и стилизация, направленная на воссоздание различных социально-речевых стилей. Пародирование в анекдоте базируется на гиперболе, гротеске, когда или сама ситуация, или речь персонажей, или же персонажи гиперболизируются и в значительной степени видоизменяются.

Реалии в анекдоте являются интертекстуальными элементами, которые помогают адресату адекватно понять юмор: они нередко объясняются в самом анекдоте или в подстрочнике, или в комментариях. Информация, переданная реалией, представляет собой тип содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации и, следовательно, апеллирует к предыдущему опыту адресата. Комментарии, которые объясняют реалии, – это своего рода эксплицитные прецедентные тексты конкретной культурной общности. Например:

– *Q: Why was the dumb blond disappointed with her trip to London?*

– *A: She found out that Big Ben is only a clock* [Take my Wife, Please].

Комментарий: здесь в основу игры слов положена реалия Big Ben – часы на здании Парламента Великобритании, которые блондинка отождествляет с реальным человеком.

В современных англоязычных анекдотах используются различные прецедентные феномены (имена и прозвища известных писателей, характерные признаки литературных героев, актеров, политиков и т.д.), цитаты и аллюзии из литературных произведений, Библии, фильмов, пословиц. Референция имеет вид прямого, частичного, а также косвенного указания на прецедентный текст. В процессе интерпретации анекдота адресат осуществляет когнитивные операции, при этом достижение юмористического эффекта происходит при наличии у него определенной когнитивной базы.

Экстраполяция функционально-коммуникативного подхода на антропологическую методологию исследования позволила осуществить анализ англоязычной шутки как интеллектуально-эмоциональной деятельности, выявить пути и средства, обуславливающие и модифицирующие её параметры.

Изучение англоязычного юмора открывает **перспективы** для дальнейших научных исследований, среди которых:

- *выявление* закономерностей комбинаторики вербальных средств создания англоязычного юмора различных языковых уровней в дискурсе англоязычного социума;

- *анализ* вербального юмора с его иконическими знаками, а также невербальными средствами выражения;

- *исследование* юмора в межкультурном аспекте;

- *раскрытие* соотношения между традиционными и инновационными элементами создания комического, которые стали отличительной чертой XXI в. (гибридизация, техника коллажа, метаязыковая игра и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кімакович І. Традиційний анекдот: виникнення терміна та його еволюція / І. Кімакович // Народна творчість та етнографія. – 1994. – № 5-6. – С. 45–52.
2. Левинтон Г.А. "Интертекст" в фольклоре / Г.А. Левинтон // Folklore in 2000. Voices amicorum Guilhelmo Voigt sexagenario. – Budapest, 2000. – P. 21–28.
3. Петренко М.С. Современный анекдот в текстовом, жанровом и дискурсивном аспектах: дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.01 / Петренко Максим Сергеевич. – Таганрог, 2004. – 216 с.
4. Рюмина Т.М. Эстетика смеха. Смех или виртуальная реальность / Т.М. Рюмина. – М. : УРСС, 2003. – 320 с.
5. Самохіна В.О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії і США: текстуальний та дискурсивний аспекти : дис ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Самохіна Вікторія Опанасівна. – Київ, 2010. – 518 с.
6. Norrick N. Intertextuality in humour / N. Norrick // Humor. International Journal of Humor Research. – 1989. – 2(2). – P. 117–139.
7. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – 6th edition, ed. by J.V. Sykes. – London : Book Club Associates, 1979. – 1368 p.

СПИСОК ІЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛА

1. 1000 more jokes for kids / by Michael Kilgarriff – New York : Ballentine Books, 1982. – 216 p.
2. 5600 jokes for all occasions / by Mildred Meiers and Jack Knapp. – New York : Wings Books, 1980. – 605 p.

3. Biggest Joke Book in the World / by Matt Rissinger and Philip Yates. – N.Y. : Sterling Publishing Co., Inc., 1996. – 192 p.
4. Boskin J. Rebellious Laughter: people's humor in American culture / Joseph Boskin. – N.Y. : Syracuse Univ. Press, 1997. – 245 p.
5. Fright Fully Gross Jokes / by Julius Alvin. – New York : Zebra Books. Kensington Publishing Corp., 1999. – 128 p.
6. Jokes and Anecdotes. Humor to Fit any Occasion / Ed. by Joe Claro – 2nd ed. – N.Y., etc: Random House, 1996. – 266 p.
7. Jokes off / by Johnny Lyons. – New York : Zebra Books, Kensington Publishing Corp., 1998. – 124 p.
8. Joking off II / by Johnny Lyons. – N.Y. : Zebra Books, Kensington Publishing corp., 1998. – 124 p.
9. Milton Berle's private joke file / by Milton Berle. Ed. by Milt. Rosen. – N.Y. : Three Rivers Press, 1989. – 642 p.
10. Take my Wife, please. Henny Youngman's Giant Book of Jokes. – N.Y. : A Citadel Press Book. Publ. by Card Publishing Group, 1998. – 334 p.
11. The Best Jokes for all Occasions / Revised by Jerry Lieberman. – USA, N.Y. : Powers Moulton, 1965. – 224 p.
12. The Big Book of Gross Jokes / by Julius Alvin. – N.Y.: Kensington Publ. Corp., 1997. – 186 p.
13. The Book of British Humour / Compiled by Judith King, Ronald Ridout, D.K. Swan. – London : Longman. Longman Structural Readers Stage 4, 1982. – 58 p.

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

УДК 81-11

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА:
 ЧТО БЫЛО? ЧТО БУДЕТ?
 В.И. Теркулов (Горловка, Украина)**

В.И. Теркулов. Антропоцентрическая парадигма: Что было? Что будет? В рассматриваемой статье автор дает свою трактовку смены парадигм научного поиска в лингвистике. Он предполагает, что в основе выделения парадигм должно лежать представление о тождестве соотношения в них объекта исследования и средств его изучения. На основании этого тезиса ученый констатирует существование в истории лингвистики двух парадигм – глоттоцентрической и антропоцентрической, а также прогнозирует возникновение новой парадигмы – глоттоантропоцентрической.

Ключевые слова: антропоцентризм, глоттоцентризм, метод, направление, парадигма.

В.І. Теркулов. Антропоцентрична парадигма: Що було? Що буде? У розглянутій статті автор дає своє трактування зміни парадигм наукового пошуку в лінгвістиці. Він передбачає, що в основі виділення парадигм повинне лежати уявлення про тотожність співвідношення в них об'єкта дослідження й засобів його вивчення. На підставі цієї тези вчений констатує існування в історії лінгвістики двох парадигм – глоттоцентричної і антропоцентричної, а також прогнозує виникнення нової парадигми - глоттоантропоцентричної.

Ключові слова: антропоцентризм, глоттоцентризм, метод, напрямок, парадигма.

V.I. Terkulov. Anthropocentric paradigm: What's its Past? What's its Future? In this article the author offers his own interpretation of the change of research paradigms in linguistics. He assumes that establishing paradigms is based on conception of identity relations between the research object and the means of its study. On the basis of this thesis the scholar claims the existence of two paradigms in the history of linguistics – glottocentric and anthropocentric, and predicts the appearance of a forthcoming glottoanthropocentric paradigm.

Key words: anthropocentrism, glottocentrism, method, school, paradigm.

1. Постановка проблемы. Понятие научной парадигмы – еще одно темное и с трудом поддающееся определению теоретическое построение современной гносеологии. Используя терминологическую систему В.И. Карасика, его можно определить как **эпином** – концепт «с редуцированным предметным и гипертрофированным эмоционально-

оценочным содержанием» [Карасик 2010: 43]. Например, выделение современной когнитивной лингвистикой антропоцентрической парадигмы, к которой она сама себя же и причисляет, – вполне объяснимый на эмоционально-оценочном уровне факт: нам необходимо обнаружить главное наше отличие, например, от структурализма, вот мы и констатируем, что это отличие есть. Причем отличие должно быть очень важным. По нашему мнению, оно заключается в том, что в сфере нашего исследования попадает не только и не столько язык, сколько человек – носитель языка. Правда, почему-то закрываются глаза на то, что человек не забывался языковедением и в те эпохи развития науки, когда о когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и т.д. никто даже не помышлял. Например, вряд ли можно оспорить то, что антропологический подход к языку составляет основу теорий В. фон Гумбольдта, Х. Штейнталя, В. Вундта, Э. Гуссерля, Л. Вайсгербера, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и многих других.

Я называю понятия типа «научная парадигма» интерпретационными концептами, формирующими сущности не онтологического, а лингвального мира, в нашем случае – лингвального мира, созданного метаязыком лингвистики. Такие концепты тесно привязаны не к реальности, а к номинатамам, обозначающим их, и поэтому всяческие дискуссии, имеющие целью установление истины, на самом деле представляют собой только поиск непротиворечивого, всеобъемлющего и простого определения **слова**, поиск нужной для развития науки **конвенции**. Я ни в коем случае не возражаю против того, что определенные этапы развития той или иной науки могут быть объединены в нашем сознании под одним названием. Я только утверждаю, это объединение подчиняется чаще всего нашим желаниям, надеждам и потребностям. Единственное, чего хотелось бы добиться в этом случае – это хотя бы внутренней логичности классификации. Без этой внутренней логики любая классификация становится малоэффективной, что, кстати, и подтверждают существующие концепции смены научных парадигм, представленные в работах моих коллег.

2. Цель и задачи статьи. Целью статьи является поиск внутренне непротиворечивой и логичной системы парадигм лингвистики. Для достижения этой цели необходимо установить параметры понятия «парадигма», рассмотреть достоинства и недостатки существующих сейчас концепций смены парадигм, определить путь преодоления представленных в них противоречий, предположить на основе логики найденной модели смены парадигм возможный путь развития нашей науки в будущем.

3. Актуальность исследования. Определение реальной, а не желаемой модели смены парадигм, на мой взгляд, даст возможность, во-первых, установить место современных «антропоцентрических лингвистик» в истории языкознания, а во-вторых, предположить пути дальнейшего развития нашей

науки. К сожалению, предлагаемые сейчас модели смены научных парадигм далеки от совершенства и мало что дают для научной телеологии.

4. История вопроса и новая модель смены парадигм. Понятие научной парадигмы было введено в философию науки в начале 60-х годов XX столетия американским историком науки Т. Куном. Следует сказать, что это необходимое, в сущности, историко-научное построение не получило четкого определения. Парадигмой, исходя из параметров, приведенных ученым, можно назвать и научную школу, и научное направление, и научный метод и т.д. Главное, чтобы они отвечали двум требованиям: «Их создание было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [Кун 2003: 30].

Еще больше размывает границы парадигмы дефиниция В.А. Масловой, утверждающей, что научная парадигма – «это совокупность научных представлений, теоретических установок, научных достижений, которые дают ученому модель постановки проблем» [Маслова 2008: 7]. Именно поэтому то или иное явление в этом случае получает статус «парадигмы» только потому, что о нем «часто говорят». Иногда при этом происходит вынужденная подтасовка фактов: мы называем парадигмой не то, что есть, а то, что хочется, чтоб было ею. Именно это происходит сейчас в лингвистической историографии когнитивного толка, и именно поэтому количество предлагаемых «научных парадигм лингвистики» меняется от исследователя к исследователю. При этом никто не беспокоится хотя бы о том, чтобы у этих парадигм было: а) общее основание для выделения, б) убедительные доказательства их исключительности на данном этапе развития лингвистики.

Ю.Н. Караулов считает, например, что в истории языкознания было четыре парадигмы. Первая – *историческая*, предполагавшая, что «язык – постоянно изменяющийся объект и изучаться он должен в историческом движении, в развитии» и что «знать язык – значит прежде всего знать его историю» [Караулов 2010: 12]. Как видим, в основе выделения этой парадигмы лежит параметр «направление исследования языка». Ее предметом могут быть различные языковые сущности (звуки, значения, грамматические категории и т.д.), но изучаются они только с точки зрения их истории, становления и развития. Вторая парадигма, пришедшая на смену исторической, по Ю.Н. Караулову, *психологическая*. Она делает объектом своего исследования живой актуальный язык, выдвигая на первый план такие его черты, как «творческий характер, эстетическую функцию, психологические основы владения языком» [Караулов 2010: 13] и т.д. В этом случае доминантным для выделения парадигмы является уже не направление исследования (в этом случае мы должны были бы говорить не о психологическом, а о синхронном исследовании языка, поскольку именно оно противостоит историческим

изысканиям), а «идеологический» статус, вернее, констатация «антропологических причин» языковой деятельности, которые становятся фактором абсолютизации языка (речи) индивида как единственной языковой реальности. Уже здесь мы отмечаем различие причин выделения парадигм (направление исследования – аспект исследования), что еще более выпукло предстает перед нами при рассмотрении третьей парадигмы – системно-структурной. В основе выделения последней лежит уже метод исследования, основанный на особой трактовке **объекта** науки – языка, изучаемого в самом себе и для себя [Караулов 2010: 14]. Четвертая парадигма – социальная – привязывает язык к некоторым общественно-социальным событиям и явлениям, трактует его как социальную сущность, что сближает данную парадигму с психологической, различая их только по констатируемому типу базового носителя языка – «индивид» / «социум».

В сущности, у Ю.Н. Караулова реально противопоставляются на базе единого основания классификации, с одной стороны, историческая и структурная «парадигмы» (основание темпоральность объекта исследования: историческая перспектива – актуальный срез языка), а с другой, – психологическая и социальная «парадигмы» (социально-психологический статус носителя языка: индивид – социум). Это не одна, а две классификации парадигм, имеющих разные основания для выделения. Единственным более или менее приемлемым основанием, связывающим указанные «парадигмы», может быть не столько идеологический, сколько хронологический принцип – то, что указанные направления сменяли друг друга в истории языкознания. Вполне возможно, что это правда. Но сам же Ю.Н. Караулов констатирует: "Употребляя слова "последующий" и "предыдущий" я не придаю им абсолютного, логически строгого смысла, поскольку речь идет о смене друг другом периодов с довольно нечеткими, размытыми границами, периодов, характеризующихся только превалированием какой-либо одной идеи, которая приобретает тем самым статус парадигмальной, парадигмообразующей. То есть и хронологические границы соответствующих периодов и соответствующих им парадигм, и их последовательность в значительной мере условна» [Караулов 2010: 15]. Эта размытость границ, как мне кажется, может существовать либо а) на границе парадигм, либо б) на границе школ и направлений, существующих в пределах одной парадигмы. Поэтому мне и кажется, что у Ю.Н. Караулова представлены не парадигмы, а главенствующие в тот или иной период развития нашей науки школы, направления, методы, которые входят в пределы научных объединений более высокого порядка. Размытость границ между ними должна компенсироваться четкостью обобщающих границ парадигмы.

Помимо системы, предложенной Ю.Н. Карауловым, отмечаются и иные концепции смены парадигм. Например, Е.С. Кубрякова говорит о четырех парадигмах: «традиционной, генеративной, когнитивной и коммуникативной. Каждая из них сочетает – хотя и в разных соотношениях – элементы

формального описания с функциональными объяснениями... Но каждая из них представляет особую модель описания языка и решения главных проблем в его организации и функционировании» [Кубрякова 1995: 190]. Кроме того, можно вспомнить и работы В.И. Постоваловой, выделяющей имманентно-семиологическую, антропологическую, теоантропокосмическую (трансцендентальную) парадигмы [Постовалова 1999], А.А. Ворожбитовой обнаруживающей лингвориторическую парадигму, В.В. Шаховского – эмотивную и т. д. (см. обзор концепций в [Маслова 2008: 5–19]).

Соглашусь с В.А. Масловой, утверждающей, что «функциональный, коммуникативный, когнитивный, текстоцентрический и прочие подходы к языку так и не оформились в парадигмы, ибо для парадигмы нужно, во-первых, чтобы она была общей для всякого гуманитарного знания (например, структурализм, который первоначально возник в биологии, а затем распространился на историю, лингвистику, литературоведение и др. гуманитарные и естественные науки, например, физику). А во-вторых, парадигма – это совокупность научных установок, которые дают ученому модель постановки проблемы и некоторый набор их решений в совокупности с процедурами исследования. Ни одно из названных направлений не отвечает этим требованиям, хотя по первому параметру на звание парадигмы мог бы претендовать функциональный подход, ибо он является общим для целого ряда гуманитарных наук» [Маслова 2008: 6-7]. Не соглашусь только с предложенной ею системой парадигм. Напомню, что Валентина Авраамовна уже достаточно давно говорит о том, что она склонна «видеть лишь три научные парадигмы – сравнительно-историческую, системно-структурную и, наконец, антропоцентрическую» [Маслова 2008: 7]. Признаю только то, что сравнительно-историческое языкознание и структурализм действительно были наиболее значимыми **направлениями** в развитии языкознания XIX – XX веков, что особенностью наиболее популярного направления в современном языкознании – лингвокогнитологии является интерес к человеку как носителю языка, но... Вряд ли можно считать парадигмой всякое значительное научное **направление**. Более того, напомню, что антропоцентрическая парадигма представляет собой **объединение** не только разных направлений, но и разных отраслей науки. Сама же В.А. Маслова отмечает, что антропоцентрическая парадигма представляет собой совокупность ряда направлений. Она пишет о том, что в ее пределах «сформировалось несколько когнитивно ориентированных направлений в лингвистике, к которым можно отнести, кроме собственно когнитивной лингвистики, психолингвистику, этнолингвистику, лингвокультурологию и прагмалингвистику» [Маслова 2008: 12]. Следует напомнить, что ни сравнительно-историческое языкознание, ни структурализм не представляли собой систему направлений подобного типа. В них можно было выделить либо школы, например, женевский структурализм, американский дескриптивизм, датскую глоссематику и т.д. для структурализма, либо уровни языковой

системы, ставшие объектами исследования, например, структурную фонетику, структурную семантику и т.д. Уже это косвенно указывает нам на то, что перед нами явления разного порядка, не имеющие общего основания для сопоставления.

На мой взгляд, эта «разнопорядковость» обусловлена различием статусов сравнительного языкознания, структурализма и антропоцентризма.

Сравнительно-историческое языкознание – это «область языкознания, объектом которой являются родственные, т.е. генетически связанные языки. Конкретно в сравнительно-историческом языкознании речь идет об установлении соотношений между родственными языками и описании их эволюции во времени и пространстве» [ЛЭС 1990: 486]. Другими словами, сравнительно-историческое языкознание настроена на **метод** (сравнительно-исторический), обусловленный **целью** (установление отношений между языками и восстановление их эволюции) однотипных исследований.

Структурализм представляет собой «совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы <...> с четко выделяемыми структурными элементами (единицами языка, их классами и пр.) и стремление к строгому (приближающемуся к точным наукам) описанию языка» [ЛЭС 1990: 496]. Иначе говоря, перед нами объединение ученых вокруг определенной «**трактовки языка**», которая обусловила использование определенных (в первую очередь – формальных) **методов** его исследования.

Антропоцентрическая же парадигма «характеризуется переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке. Взамен требования изучать систему и структуру языка выдвигается новое – изучать языковую способность, знания о мире, зафиксированные в языке, языковую компетенцию носителя языка» [Маслова 2008: 10]. Следовательно, выделение антропоцентрической парадигмы имеет в своей основе констатацию нового **объекта** исследования в языкознании – человека.

Как видим, приведенные выше компоненты классификации В.А. Масловой представляют собой идеологически несопоставимые научные построения. Невозможно считать единицами одного порядка системы теорий, выделяемых на основе в одном случае общности целей и методов исследования, в другом – особой трактовки языка и продуцируемых данной трактовкой методов исследования, а в третьем – только объекта и направления исследования. Эти явления, если и могут рассматриваться в одной классификации, то только на разных ее уровнях.

Единственным положительным фактором здесь является выделение антропоцентрической парадигмы. Она констатирует, что ее объектом является не язык, а человек, носитель этого языка. В исследованиях представителей данной научной парадигмы язык воспринимается не столько как предмет изучения, сколько как средство изучения чего-то находящегося за его

пределами – концептов, культуры, общества, человека вообще. Например, ядро современного антропоцентрического подхода – когнитивная лингвистика – ставит своей задачей «исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» (выделено мной. – В.Т.) [Попова 2006: 7]. Как пишет В.А. Маслова, «когнитивная лингвистика, вкупе с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства» [Маслова 2004: 8]. Еще более четко высказывается Е.С. Кубрякова, утверждающая, что в антропоцентрической парадигме «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995, с. 212]. Как видим, места для исследования самого языка тут не осталось. Но здесь-то и заложено главное отличие современной антропоцентрической лингвистики от лингвистики прежних лет. Для нее язык является **средством** к постижению других **объектов**.

Вполне очевидно, что противоположная парадигма должна считать **язык** единственным **объектом** своих исследований, а все остальное только **средством** для его постижения. Такую парадигму следует, на мой взгляд, назвать **глоттоцентрической**. И именно она включает в свой состав и сравнительно-историческое языкознание, и структурализм, и многое другое как направления языкознания, изучающие в первую очередь язык. Высшей формой ее воплощения является, конечно же, структурализм, который считал, что язык, «рассматриваемый в самом себе и для себя», является «единственным и истинным объектом лингвистики» [Соссюр 1977, с. 269].

4. Гипотеза. Итак, изложим некоторые основные тезисы нашей трактовки смены парадигм.

1. Понятие парадигма не может быть отождествлено ни с **научным направлением**, основывающемся на своем представлении о языке и методах его исследования (поэтому не может быть, например, структурной научной парадигмы), ни с **научной методологией**, объединяющей ученых в единую методологическую группу (поэтому не может быть, например, сравнительно-исторической парадигмы), ни с **направлением исследования языка**, настроенным на изучение того или иного аспекта существования языковой системы (поэтому не может быть, например, лингвокультурологической парадигмы, социолингвистической парадигмы и т.д.), ни с какой-либо **научной школой** (поэтому не может быть, например, глоссематической парадигмы, генеративистской парадигмы и т.п.). Парадигма – это предельное научное построение, настроенное на объединение различных направлений, методологических групп, школ по единому гносеологическому признаку. В нашем случае таким признаком может быть только соотношение объекта

и средств исследования. Основываясь на этом тезисе, я выделяю две существовавшие и существующие актуально парадигмы научного поиска в лингвистике:

- **Глоттоцентрическую**, считающую своим единственным объектом язык, а человека, его психику, общественные институты, культуру и т.д. – только средством для познания языка.

- **Антропоцентрическую**, настроенную на изучение человека, его психики, общественных институтов, культуры через посредство языка, который выступает в этом случае только в качестве средства научного поиска.

2. Понятие «парадигма», без сомнения, может иметь хронологические характеристики. Вполне возможно, что можно констатировать на каких-то этапах развития нашей науки смену антропоцентрической парадигмой глоттоцентрической парадигмы. Однако такое утверждение, как мне кажется, будет несколько «притянутым за уши». Мы можем говорить только о постоянной конкуренции указанных парадигм, в которой в разные эпохи отмечались свои победители и побежденные. В любом случае, они на различных этапах своего существования успешно побеждали друг друга, становясь попеременно властителями дум и настроений ученых. Таким образом, в моем понимании парадигмы – это не «эпохи», а «идеологии».

3. Парадигма, как известно, – это класс элементов, имеющих схожие свойства. Иначе говоря, не может быть парадигмы, состоящей из одного компонента. Она как минимум должна быть бинарной. Например, парадигма склонения имени включает как минимум шесть компонентов, парадигма лица глагола – три¹ и т.д. Следовательно, и научная парадигма должна состоять не из одного конституента. Я предполагаю такую внутреннюю стратификацию парадигмы:

- **Научное направление** (лингвистический подход) – объединение ученых, связанных общностью взглядов на статус языка, его природу. Таковы, например, структурализм, биологизм, когнитивизм и т.п.

- **Методологическая группа** (лингвистический метод) – обычно связанное с лингвистическим подходом объединение ученых, использующих одинаковые или схожие методы изучения языка, например, сравнительно-историческое языкознание, структуральное языкознание, психологическое языкознание и т.п.

- **Направление исследования языка** (лингвистическая дисциплина) – объединение ученых либо вокруг одного аспекта изучения языка, например, социолингвистика, лингвокультурология, либо вокруг одного уровня языка, например, лексикология, фонетика и т.п.

¹ Я, конечно же, знаю о различии мнений о количестве и составе конституентов упомянутых парадигм, но здесь я не буду включаться в ненужные для целей этой статьи споры. В качестве оправдания своей научной бездушности я использовал оборот «как минимум», который, как мне кажется, снимает некоторое научное напряжение.

- **Научная школа** – объединение исследователей вокруг лидера (лидеров) (главы / глав школы), сформулировавшего систему актуальных для данной школы научных задач и путей их решения.

Таким образом, каждый ученый может быть «описан» в системе указанных параметров. Например, Б. Трубецкой представляет **Пражскую лингвистическую школу**. Он использовал в своих изысканиях функциональные принципы изучения языка, разработанные данной школой и основанные на базовых **структуральных методах**. Наибольшую известность получил как **фонолог**. Очевидна его принадлежность к **структурализму** как лингвистическому подходу и к **глоттоцентрической** парадигме научного поиска.

5. **Перспективы.** Задача лингвистического науковедения, как мне кажется, как раз и состоит в том, чтобы последовательно описать структуру глоттоцентрической и антропоцентрической парадигм на основе определения формирующих их лингвистических подходов, лингвистических методов, лингвистических дисциплин и научных школ. Но кроме этого, констатируя противопоставленность глоттоцентрической и антропоцентрической парадигм как тезиса и антитезиса, мы можем предположить возможность еще одного парадигматического этапа в развитии языкознания. Он должен иметь явную «синтезную» (в гегелевском значении этого слова) доминанту. Его задачей является объединение указанных парадигм в единую глоттоантропоцентрическую парадигму. Объектом исследования здесь закономерно будет не мир, воплощенный в языке, не язык, отражающий мир, а мир сотворенный языком, человек, сотворенный языком. Именно так трактует соотношение языка и мира моя концепция лингвальной когнитологии [Теркулов 2010].

Впрочем, моей ее можно назвать только с некоторой натяжкой. Как мне кажется, именно так трактовал язык В. фон Гумбольдт. На мой взгляд, мы не совсем правильно понимаем значение утверждения В. фон Гумбольдта: «Своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984: 370, 377]. Ведь здесь однозначно говорится не о том, что человек формирует свой язык, свою так называемую «языковую картину мира», а о том, что язык создает «сущность нации». Мы привыкли в «антропоцентрической парадигме» утверждать то, что когнитивные механизмы отражаются в языке, но ведь это не так: именно язык включает, создает и шлифует наши когнитивные способности. Можно, уподобляясь Дж Лакоффу, утверждать, что «понятийная система отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественная языковая общность базируется на той же понятийной системе, которую мы используем в мышлении и деятельности, язык выступает

как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет» [Лакофф 1990: 387]. Но на самом деле эти схемы являются не чем иным, как навязанными нам языком стереотипами. Мне кажется странным утверждение о том, что сначала возникает ментальная метафора, отождествляющая спор с войной, которая затем воплощается в языке. Возможно, так было в момент создания этой метафоры, хотя мне трудно согласиться и с этим. В любом случае, на первом этапе это была **языковая игра**, попытка найти словесный эквивалент событию. Причем референтная, а не смысловая. Мы попросту некий конкретный спор, ставший событием нашей жизни, отождествили с войной в слове, поскольку этот конкретный спор нами **был трактован в слове как война**. Второе использование данной метафоры уже сформировало концептуальное отождествление **в слове** спора и войны. Последующие ее употребления действительно автоматичны, но эта автоматичность навязана языком. Мы не создаем каждый раз метафору «спор – война», а воспроизводим ее, поскольку она закреплена в языке. Поэтому можно утверждать, что язык, в который первый номинатор выпустил как джина из лампы метафору «спор – война», подхватил ее, сделал фактом сотворенного им мира, заставил себя рефлексировать, формируя домен «спор – война», а затем – навязал нам. Те, кто использует имена войны для обозначения спора, повторяю, не создают эту связь, а только объективируют ее.

Глоттоантропоцентрическая парадигма, следовательно, возвращает лингвистику к языку как к единственному ее объекту, правда, уже проведенному через фильтры когнитивного подхода. Концепт, воплощаясь в языке, создает мир языковых сущностей и, вследствие этого, создает мир социума, что, как мне кажется, подтверждается фразой К.К.М. Клакхона: «Человек видит и слышит только то, к чему его делает чувствительным грамматическая система его языка, то, что она приучила его ждать от восприятия... Человек, выросший в той или иной языковой среде, воспринимает последнюю как часть самой природы вещей, всегда остающихся на уровне фоновых явлений» [Клакхон 1998: 190]. Это является основанием для утверждения о репрезентации в семантической структуре языка двух миров – **онтологического**, референтного, то есть мира внеязыковых сущностей и событий, протоколируемых в языке, и **лингвального**, то есть мира, созданного языком. Другими словами, в моей концепции не язык определяет мышление, а мир, созданный языком, является миром нашего **человеческого** существования. Наше поведение обусловлено законами этого мира, хотя и имеет, в то же время, онтологические рамки. Важно то, что на пересечении этих миров и существует человек как личность, с одной стороны, определяющая формы существования онтологического и лингвального бытия, а с другой, определяемая, формируемая этими мирами. В дальнейших работах мы покажем основные характеристики предполагаемого нами глоттоантропоцентрического подхода к изучению языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; [пер. с нем. Г.В. Рамишвили]. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.
2. Карасик В.И. Эпиномы как смысловые образования / В.И. Карасик // Концептуальные исследования в современной лингвистике : сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург – Горловка : Издательство ГГПИИЯ, 2010. – С. 45–53.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – СПб. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Клакхон К.К.М. Зеркало для человека : введение в антропологию / Клайд Кей Мейбен Клакхон. – Санкт-Петербург : Евразия, 1998. – 352 с.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сб. статей. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 144–238.
6. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : ООО "Изд-во АСТ": ЗАО НПП "Ермак", 2003. – 365 с.
7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / [глав. ред. В.И. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : [учеб. пособие] / В.А. Маслова. – Минск : ТетраСистем, 2004. – 256 с.
10. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
11. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика в современной науке о языке / Попова З.Д., Стернин И.А. // Ментальность и язык : коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – С. 3–15. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 7).
12. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры ; отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 25–33.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики ; [пер. с фр. А. . Холодовича] // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 30–269.
14. Теркулов В.И. Номинатема : опыт определения и описания / В.И. Теркулов / науч. редактор М.В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с.

Вячеслав Иванович Теркулов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета; e-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 81.161

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА – НОВЫЙ ВУЗОВСКИЙ КУРС?

Е.В. Харченко (Челябинск, Россия)

Е.В. Харченко. Организационная лингвистика – новый вузовский курс?

Статья посвящена вопросам образования и роли филологии в современном обществе. Предлагается психолингвистический подход к изучению моделей профессионального речевого поведения, текстовой деятельности и коммуникации в организациях. Автор обосновывает новый вузовский курс «Организационная лингвистика» как практическое направление, описывает предмет и задачи этого курса, а также методы исследований.

Ключевые слова: лекционный курс, общество, организационная лингвистика, психолингвистика.

О.В. Харченко. Організаційна лінгвістика – новий вузівський курс?

Стаття присвячена питанням освіти та ролі філології в сучасному суспільстві. Пропонується психолінгвістичний підхід до вивчення моделей професійної мовної поведінки, текстової діяльності і комунікації в організаціях. Автор обґрунтовує новий вузівський курс «Організаційна лінгвістика» як практичний напрямок, описує предмет і завдання цього курсу, а також методи досліджень.

Ключові слова: лекційний курс, організаційна лінгвістика, психолінгвістика, суспільство.

E.V. Kharchenko. Organizational linguistics – a new university course? The article focuses on the issues of education and the role of Philology in modern society. It proposes a psycholinguistic approach to the study of models of professional speech behavior, textual activities and communication in organizations. The author suggests a new university course «Organizational linguistics» as a practical approach, describes the subject and objectives of this course as well as its research methods.

Key words: lecture course, organizational linguistics, psycholinguistics, society.

1. Постановка проблемы. Актуальность

Сегодня только ленивый не говорит о кризисе образования в высшей школе, не ругает устаревшую систему, оторванность предлагаемых знаний от жизненных реалий. Да, действительно, знания сейчас обновляются очень быстро, поэтому студентов гораздо важнее научить работать с информацией

(отбирать, анализировать, оценивать), чем заставлять зубрить конкретные факты, цифры и под.

Однако если присмотреться к реформам, проводимым в области образования, то большинство из них спускается сверху и направлено на форму (появилась уровневая система бакалавр-магистр, меняются требования к программам, количество аудиторных часов сокращается в пользу самостоятельной работы). В то же время крайне мало внимания уделяется содержанию образования, хотя на это в первую очередь обращают внимание работодатели.

Еще одной проблемой, позволяющей говорить об актуальности данной статьи, является место и роль филологии в современном обществе. Рынок, во многом определяющий социально-экономическую ситуацию в России, заставляет задумываться представителей разных профессий о своей востребованности. Долгое время отношение к «гуманитариям» формулировалось следующим образом: пользы от них никакой, главное, чтобы вреда не было. До поры до времени такая ситуация устраивала как гуманитариев, занимающихся «чистой» наукой в «башне из слоновой кости», так и обывателей, бросившихся удовлетворять материально-физиологические потребности.

Сегодня можно отметить бурное развитие таких направлений, как экономика, политология, социология, психология, маркетинг, менеджмент: создаются новые научные направления, школы, активно ведется обучение. В то же время можно отметить резкий спад интереса к филологии (об этом в первую очередь говорит количество абитуриентов, готовых посвятить себя этой специальности), за исключением, правда, обучения иностранным языкам в чисто прагматических целях. В Челябинске по улицам курсирует машина, на заднем стекле которой можно прочесть: «Английский для любых целей», – и номер телефона. Можно долго рассуждать о роли языка в обществе, сетовать на плохую речевую подготовку современных школьников и студентов. Отношение к отечественному языку – важный маркер отношения к отечеству. Следовательно, решить проблемы изучения родного языка только в рамках филологии не представляется возможным.

Неужели филология не нужна современному обществу? Мы считаем, что роль ее незаслуженно принижается. Если внимательно присмотреться, то очевидной станет филологическая основа экономики, менеджмента, психологии, маркетинга и других модных гуманитарных направлений.

На наш взгляд, сложилась парадоксальная ситуация: сфера бизнеса, насквозь пронизанная деловым общением, оказалась практически вне фокуса внимания лингвистов. Трудно не согласиться с Г. Маутнером, который в статье «Лингвистика и менеджмент: неосуществленные связи» исследует причины и следствия взаимного отчуждения между миром бизнеса и гуманитарными науками. Автор статьи устанавливает три основные причины этого разрыва: во-первых, представители менеджмента и лингвисты подходят к вопросам

языка очень по-разному, что проявляется в соответствующих разделах учебников по менеджменту и маркетингу, во-вторых, отношение к языку как к маргинальной для бизнеса сфере знания прямо сказывается на финансировании, что создает препятствие организационного характера для развернутого и полноценного преподавания наук филологического цикла в бизнес-школах, в-третьих, отчуждение поддерживается тем, что гуманитарии, и в первую очередь лингвисты, имеют мало личных и профессиональных контактов с миром коммерции. Г. Маутнер пишет о том, что это взаимное отчуждение необходимо преодолевать, так как контакты были бы полезны обеим сторонам. Бизнес может получить от лингвистики профессиональные практические советы, повышающие уровень коммуникации как внутри отдельных корпораций, так и в сфере их внешних связей. С другой стороны, лингвистам не следует игнорировать сферу делового общения хотя бы потому, что она стала на сегодняшний день одной из наиболее распространенных в мире [Маутнер 2007].

2. Теоретическое обоснование направления

В переведенном с английского языка сборнике статей научной конференции в Маннхейме «Communication in organizations» (перевод названия как «Организационная коммуникация», на наш взгляд, не совсем корректен: более адекватное название «Коммуникация в организациях») представлены новые подходы, методы и идеи лингвистов, изучающих организации [Мюллер, Кизер 2005]. В предисловии научного редактора, кандидата филологических наук А.А.Киселева утверждается, что коммуникация пронизывает и фактически образует современные компании, символическое пространство – суть организационной культуры, но в то же время существует дефицит инструментальных книг, в которых говорилось бы о применении лингвистических методов к организациям. Авторы (мы бы их назвали составителями) А.Кизер и А.П.Мюллер называют предметом этой книг и междисциплинарные связи лингвистики и теории организации и поясняют, что интерес к «лингвистике организаций» или «организационной лингвистике» появился, когда организацию перестали воспринимать как большую машину, состоящую из человека и техники, где люди функционируют как части машин (инженерный подход).

Коммуникация является одним из основных элементов организационной культуры – это акт общения, связь между двумя или более индивидами, с помощью которого происходит обмен информацией между собственно сотрудниками, а также сотрудниками и руководством и осуществляются связи с общественностью.

Язык и культура неразрывно связаны, так что изучение организационной культуры невозможно без изучения языка, который приобретает в организации следующие функции:

- 1) структуризация коммуникативного пространства;
- 2) формирование и поддержание позитивного имиджа;

- 3) публицити (создание известности) организации;
- 4) взаимодействие с органами управления;
- 5) взаимосвязь с партнерами (поиск форм сотрудничества; обмен информацией; реализация совместных проектов и программ);
- 6) работа с клиентами (реальными и потенциальными);
- 7) работа с персоналом (командный дух, понимание и поддержка политики руководства).

Культура, которой пронизана организация, как правило, формировалась под воздействием национальной, профессиональной культур и личности основателя компании. Иногда влияние на уже сложившуюся корпоративную культуру оказывают новые руководители (топ-менеджеры) или сторонние бизнес-консультанты, коучеры, тренеры и под. Стороннему человеку очень сложно понять символику организации именно из-за отсутствия общей с носителями данной корпоративной культуры базы знаний.

Психолингвистический подход, на наш взгляд, обладает хорошей объяснительной силой при интерпретации корпоративной культуры, поскольку базируется на теории языкового сознания, объединяющего носителей одной культуры, что позволяет им понимать друг друга. В свою очередь, именно вербализация позволяет овнешнить те ценности, реалии, идеалы, которые приняты в организации и определяют поведение сотрудников. В отдельно взятой организации система корпоративных ценностей закрепляет правила поведения сотрудников с внешними и внутренними клиентами, определяет фокус внимания при работе (что является важным/ неважным, за что хвалят/ ругают и проч.). Отсутствие единых корпоративных ценностей в организации (мы не относим к ним формальное написание миссии и стандартов поведения сотрудников, которые могут не только не отражать, но и противоречить реальным ценностям, поскольку зачастую заимствуются из переводных источников) часто приводит к попыткам выхода в надсистему для поиска общих смыслов (вслед за А.Н. Леонтьевым мы разграничиваем понятия значение и смысл как *отражение действительности* независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека и *отношение* к осознаваемым объективным явлениям).

Опыт исследований в данной области показывает, что вся работа по корректировке корпоративной культуры организации, начиная от диагностики и заканчивая моделированием и внедрением новых образцов, базируется именно на языковом сознании. Изменение только верхних уровней, как правило, приводит к кратковременному результату, который затем отторгается коллективом, как искусственный орган, вживляемый в организм.

Корпоративную культуру конкретной организации можно изучать по документам, регламентирующим деятельность сотрудников (например, должностные инструкции, правила внутреннего распорядка), приказам и распоряжениям, объявлениям, корпоративным изданиям, традициям и т.д. Как правило, такая диагностика занимает длительный период времени. В своей

работе мы использовали разработанный на базе метода незаконченных предложений тест, который не только выявляет индивидуальные стратегии поведения опрашиваемого сотрудника, но и позволяет диагностировать сложившуюся корпоративную культуру организации в целом [Харченко 2005].

С помощью анализа результатов эксперимента (метод незаконченных предложений) можно выявить единый континиум текстов, значимых для управления коммуникативными процессами в конкретной организации, поскольку, во-первых, они отражают наиболее важные проблемы для людей, формирующие их индивидуальную картину мира, восприятие происходящего; во-вторых, обозначенные ими проблемы довольно часто так или иначе обсуждаются в коллективе, что приводит к похожим формулировкам; в-третьих, сознательное употребление руководством данных выражений позволит говорить с сотрудниками «на одном языке».

Практика коммуникативного аудита показала, что можно достаточно четко обозначить общую для сотрудников конкретной фирмы «сферу тревог» и «желательное состояние», а это во многом отражает корпоративную культуру конкретного предприятия. Как известно, любая культура, в том числе и корпоративная, определяет нормы поведения отдельного индивида и сообщества в целом. Эти нормы складываются постепенно под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, и могут со временем меняться, но в определенный временной отрезок объясняют поведение членов сообщества для внешних наблюдателей, оправдывают собственные действия представителей группы, а также выполняют функцию разделения на свой/чужой.

Анализ корпоративных языков разных организаций показал закрепленные в речи сотрудников особенности мировосприятия. При анализе мы предполагали, что излишняя фокусированность, которая выражалась в частом повторении понятий, выражений, показывает особенности корпоративной культуры организации. Эта гипотеза проверялась в дальнейшем при беседе с управляющими и нашла свое подтверждение: сотрудники постоянно повторяют в своей речи слова и выражения, обозначающие важные для них понятия, в том числе и вызывающие тревожность. Частотность высказываний, на наш взгляд, говорит о степени сформированности корпоративной культуры, выработке общего подхода к описанию событий:

- *доброжелательное отношение // общая доброжелательность, отсутствие страха перед руководителем, наличие уважения // благоприятная обстановка // доброжелательное отношение людей друг к другу // комфортная дружеская обстановка // дружеские отношения // дружный и творческий коллектив // люди были открыты в своих взаимоотношениях // работу в атмосфере радости и доверия;*
- *в коллективе нервозная атмосфера и это сказывается на работе всех // нездоровая моральная обстановка, напряженные отношения между сотрудниками // нервозная обстановка // в коллективе натянутые*

*отношения // **натянутые** отношения // конфликт в коллективе, **нервозная** обстановка // атмосфера **нервозности**, беспокойства // когда в коллективе появляется **напряженность** // тяжелая обстановка // **напряженная** обстановка // в коллективе что-то не так // атмосфера **нервозности**, беспокойства.*

Особенно важно выделить базовую идею, разделяемую коллективом (например, единый подход и слаженность работы): *было согласие в работе // **коллективное** выполнение работы (задания) // **совместное** выполнение поставленных целей // слаженность работы коллектива фирмы // коллектив работал слаженно, как **единый механизм** // чтобы **весь коллектив** был заинтересован в достижении цели, стоящей перед фирмой // сплоченности и хорошей организации // в коллективе все работают, как **один механизм** // общее устремление к **единой цели** // когда работает команда и все знают куда идти // все вопросы решаются коллективно // **единый подход** к решению стоящих перед ними задач // в коллективе вырабатываю **общий подход** к решению возникающих проблем // коллектив работал сплоченно, как **единая команда** // **слаженная работа** с производством, конструкторами и сотрудниками сбыта, продвижения, рекламы // согласованность в работе // **слаженная работа** // тепло и **единая цель** // работы всего коллектива фирмы **в целом** // сплоченность // единомышленники.*

Полученные высказывания позволяют выявить фокус внимания сотрудников, точки напряжения, ведущие к конфликту, и общую картину мира, наличие которой и позволяет говорить о сложившейся корпоративной культуре на предприятии. Результаты можно использовать для эффективного управления коллективом, выявления проблемных точек и назревающих конфликтов, постановки общей цели, формирования единого подхода и миссии фирмы в целом.

Таким образом, использование психолингвистических методов при изучении языкового сознания носителей корпоративной культуры является актуальным, поскольку именно такой подход позволяет выявить зачастую скрытые, глубинные уровни уже сформировавшейся в организации культуры.

3. «Организационная лингвистика» как способ решения проблемы

Итак, на кого рассчитан предлагаемый курс? В первую очередь на студентов-филологов. Пока более расторопные гуманитарные сестры (психология, социология и др.) устраивали свое будущее, активно осваивая прикладные направления, филология оставалась в «башне из слоновой кости», отстаивая языковые нормы и правила. Не случайно параллельно стали развиваться прикладные направления, отщипнувшие от филологии большой кусок. В первую очередь здесь можно говорить о менеджменте, маркетинге, пиаре и подобных прикладных дисциплинах.

Во-вторых, на наш взгляд, этот курс был бы интересен магистрам всех направлений, поскольку значительно увеличивает их профессиональный потенциал, расширяя возможности. При переходе на новый уровень трудовых

отношений все большее количество времени на работе профессионал взаимодействует с другими субъектами деятельности. Сегодня выделяют в отдельную группу профессиональных коммуникаторов – людей, результат деятельности которых во многом зависит от коммуникативной компетентности. Профессиональный коммуникатор – специалист в зоне повышенной речевой ответственности, имеющий варианты эффективного речевого поведения и выбирающего их в зависимости от собеседника, ситуации, интенции.

Несомненно, курс для филологов должен быть объемнее и включать основы нейминга, коммуникативного маркетинга, для студентов других направлений важно учитывать их специализацию и специфику работы.

Как правило, учебный предмет (как и научное направление) должен иметь свои объект, предмет, термины, методы исследования.

Объектом организационной лингвистики, на наш взгляд, является взаимодействие с внешними и внутренними клиентами, предметом – эффективные стратегии и тактики речевой деятельности в организации. Особое внимание должно уделяться изучению текстовой деятельности организации в целом. Опыт работы в области бизнес-коммуникаций позволил нам с Людмилой Александровной Шкатовой обосновать новое направление исследований. В одной из работ мы предложили выделить следующие компоненты предметного поля организационной лингвистики: организационная коммуникация как базовая основа профессиональной деятельности, структуризация коммуникативного пространства; формирование и поддержание позитивного имиджа и паблисити (создание известности) компании; способы работы с клиентами и взаимодействия с федеральными и региональными органами управления, а также с местными органами власти (известность, лоббирование); взаимосвязь с партнерами (поиск форм сотрудничества; обмен информацией; реализация совместных проектов); взаимодействие с конкурентами (поддержание хороших отношений, обмен информацией, выстраивание взаимовыгодных схем взаимодействия); PR-поддержка региональной политики (отношения с регионами); поиск потенциальных клиентов; работа с персоналом (командность, корпоративный дух, понимание и поддержка политики руководства) [Харченко, Шкатова 2009].

Терминологическая система находится в стадии формирования, пока можно выделить *коммуникативный аудит, профессиональный коммуникатор* как базовые понятия данного курса.

Особого внимания заслуживает обучение специфическим методам, которые может использовать изучающий организационную лингвистику. Основным методом для данной дисциплины мы считаем *коммуникативный аудит* [Шкатова 2004]. Суть этого метода в мониторинге системы коммуникаций, выявлении в ней слабых звеньев и определении причин коммуникативных сбоев.

Корпоративный текст – это инструмент влияния, он обладает определенной интенцией, то есть общей установкой, направленностью

на реализацию определенного результата, например, убеждение членов группы в правильности нарисованной картины мира и мобилизацию их для поддержки изложенной точки зрения. Поскольку этот текст принципиально направлен на потенциального внутреннего и внешнего клиента, он прагматичен по своей функции и может быть полностью разложен на свои составляющие.

В ходе коммуникативного аудита перед экспертами стоят преимущественно следующие вопросы:

1. Сложилась ли в данной организации структура коммуникаций?
2. Сформировались ли в данной организации механизмы управления коммуникацией?
3. Сформулирована ли миссия фирмы и ее философия?
4. Выработаны ли способы привлечения и удержания клиентов?
5. Обладает ли компания специфическими текстами, отражающими ее корпоративную культуру?
  - 5.1. Имеются ли в представленных на исследование текстах лексические, стилистические и содержательные компоненты, направленные на выделение группы лиц по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе? Если перечисленные составляющие имеются, то в чем они выражаются?
  - 5.2. Имеются ли в представленных на исследование текстах лексические, стилистические и содержательные компоненты, направленные на призывы к формированию специфического имиджа фирмы? Если таковые призывы имеются, то в чем конкретно они выражаются?
  - 5.3. Имеются ли в представленных на исследование текстах лексические, стилистические и содержательные компоненты, направленные на призывы к осуществлению имиджевой деятельности? Если такие призывы имеются, то в чем конкретно они выражаются?

Весьма полезными мог бы быть и *дискурс-анализ* высказываний в различных сферах деловой жизни данной организации. Темой для исследования могут быть и способы, с помощью которых передаются знания и мнения, и то, как влияют подразумеваемые, не проговоренные утверждения, касающиеся взаимоотношения с клиентами и партнерами, на поведение сотрудников. В основе анализа лежат ключевые понятия «речь» и «субъект». В дискурсно-аналитическом исследовании рассматриваются структуры дискурса и определяются все социальные последствия представлений о действительности, воссозданных в корпоративном дискурсе той или иной организации.

Инструменты для дискурс-анализа: 1) ключевые слова, которые можно назвать основными знаками в структуре дискурса; 2) синонимические ряды, раскрывающие значения ключевых знаков; 3) понятия, касающиеся философии фирмы и ее корпоративной идеологии: формулировки миссии, слогана,

системы ценностей, кодекса поведения группы (все то, что способствует идентичности организации и ее презентации); 4) понятия антонимического плана, создающие основу противопоставления «чужим» и базу для анализа возможного конфликта в условиях конкурентной борьбы. Анализ должен быть сосредоточен на лингвистических особенностях текста и процессах, касающихся его продуцирования и восприятия (дискурсивная практика).

Валидность дискурс-анализа: целостность, плодотворность (способность обеспечить новые объяснения, объяснительный потенциал), основательность (на различных текстовых особенностях), всесторонность и ясность. Цели исследования определяют «дистанцию», которую исследователь занимает относительно материала (в случае дискурсивных конфликтов рассматривать два дискурса).

Риторический анализ имеет целью установить, какими языковыми средствами создается позитивный образ своей организации, имплицитно содержащий противопоставление конкурентам. Характерным для данного типа риторики является имиджевый дискурс, в котором противопоставление «мы-они» последовательно проведено с использованием ценностной шкалы «Добро-Зло» и воплощено в образах «нас» и «наших конкурентов».

Анализ должен быть сосредоточен на 1) риторических приемах; 2) способах речевого воздействия; 3) более широкой социальной практике, которой принадлежит коммуникативное событие как отдельный случай использования языка.

Метод идейно-стилистического анализа корпоративных текстов – это исследование их как идейно-стилистического целого. Основная задача данного анализа – понять тот набор идей и представлений, с помощью которых характеризуется организация. При этом в идеологический комплекс, который подлежит анализу, включаются не только те идеи, которые явлены открыто, но и те представления, из которых автор исходит в своих сужениях и которые можно вычленишь, анализируя содержательную сторону и формальные средства, используемые автором: понять идеологию сквозь призму формальных средств.

В основе *интерпретационного анализа* лежит оценочное суждение и личная трактовка, которая основывается на данных текста, лингвистических, риторических реальностях, опирается на анализ конкретных значений, конкретных приемов.

Данный список методов можно продолжать, поскольку именно вербализация, овнешнение особенностей конкретной корпоративной культуры позволяет ее диагностировать и корректировать. Именно тексты являются способом хранения и передачи культурно значимых смыслов.

Таким образом, вынужденная прагматизация всех научных направлений, особенно гуманитарных, приводит к поиску путей применения теоретических знаний. Задача филологов в настоящее время заключается в самоидентификации и определении своих функций в современном обществе.

Нашу задачу мы видим в том, чтобы показать потребности общества в филологических знаниях и предложить новый вузовский курс «Организационная лингвистика» как один из вариантов ликвидации социокультурной безграмотности выпускников вузов, для многих из которых филология крепко связана лишь с устаревшей орфографией.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.П. Мюллер Организационная коммуникация / А.П. Мюллер, А. Кизер ; [пер. с англ.]. – Харьков : Издательство Гуманитарный центр, 2005. – 438 с.
2. Маутнер Г. Лингвистика и менеджмент: Неосуществленные связи / Г. Маутнер // Язык и дискурс в экономике и обществе: Перспективы исследований в области межкультурной коммуникации. Sprache und Diskurs in Wirtschaft und Gesellschaft: Interkulturelle Perspektiven / Hrsg. Doleschal U., Hoffmann E., Tilmann R. – Frankfurt a. M.: Lang, 2007. – 300 S. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2008. – № 4. – 196 с.
3. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении / Е.В. Харченко. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 336 с.
4. Харченко Е.В. «Офисный планктон», или особенности современной российской корпоративной культуры / Е.В. Харченко // Образ России: извне и изнутри : сборник статей ; под ред. Е.Ф. Тарасова (отв. редактор), Н.В. Уфимцевой, Е.А. Аршавской. – Калуга : Эйдос (ИП Кошелев А.Б.), 2008. – С. 118–124.
5. Харченко Е.В. Особенности изучения языкового сознания носителей корпоративной культуры / Е.В. Харченко // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация : сборник статей. – Институт языкознания РАН. – Калуга : КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 206–217.
6. Харченко Е.В. Столкновение культур в рамках одной организации / Е.В. Харченко // Языковое сознание: Теоретические и прикладные аспекты. – М. : Институт языкознания РАН, 2004. – С. 284–304.
7. Харченко Е.В. «Организационная лингвистика»: миф или реальность? / Е.В. Харченко, Л.А. Шкатова // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Серия Филология. Искусствоведение. – Вып. 32, № 17 (155). – Челябинск : ЧелГУ, 2009. – С. 90–95.
8. Харченко Е.В. Предметное поле «организационной лингвистики» / Е.В. Харченко, Л.А. Шкатова // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография ; отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 334–344.
9. Шкатова Л.А. «Коммуникативный аудит» как термин практической лингвистики / Л.А. Шкатова // Язык. Культура. Коммуникация :

материалы междунар. науч. конф. ; отв. ред. С.А. Питина. – Челябинск : Изд-во Челябинск. отд. РАО, 2004. – С. 199–192.

10. Sprache und Diskurs in Wirtschaft und Gesellschaft: Interkulturelle Perspektiven / Hrsg. Doleschal U., Hoffmann E., Tilmann R. – Frankfurt a. M.: Lang, 2007. – 300 S.

Елена Владимировна Харченко – профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой культуры речи и профессионального общения, заведующая секцией «Русский язык» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), директор Научно-исследовательского центра профессионального общения; e-mail: falcom@susu.ac.ru

РЕДАКТОРЫ

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ishev7@gmail.com

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Донка Александрова, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka_bar@hotmail.com

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Дэниэл Вандервекен, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской

лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Франциско Домингес Матито, доктор философии, професор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия); e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Маргарет Фриман, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когнициии и гуманитарных наук (г. Хит, США); e-mail: freemamh@lavc.edu

Наталья Чабан, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Суг, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 3 см., справа – 1 см., вверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.И. Иванова (Киев, Украина)

2. Аннотации (около 500 знаков каждая, включая пробелы; ключевые слова расположить в алфавитном порядке) на трех языках: украинском, русском, английском) подаются шрифтом 14 Times New Roman, в начале каждой аннотации указать фамилию, инициалы автора и название статьи на соответствующем языке.

3. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать **актуальность, объект, предмет, цель и материал** статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

4. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

5. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001б).
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 20 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М. : АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.

6. После списка литературы подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

7. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2012, № 5

Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою мовами

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко